

На правах рукописи

Грик Николай Антонович

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА В 1921-1933 гг.:
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Томск – 2003

Работа выполнена на кафедре истории и документоведения исторического факультета
Томского государственного университета

Научный консультант: доктор исторических наук,
профессор Ю.В. Куперт

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
В.А. Ильиных

доктор исторических наук,
профессор М.Д. Северьянов

доктор исторических наук,
профессор В.П. Андреев

Ведущая организация: Кемеровский государственный
университет

Защита состоится 5 декабря 2003 г. в 15 часов на заседании диссертационного Совета Д 212. 267. 03. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальностям: 07.00.02 - Отечественная история, 07.00.03 - Всеобщая история нового и новейшего времени, 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования при Томском государственном университете по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Томского государственного университета

Автореферат разослан « _____ » октября 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Начался XXI век и перед Россией вновь стоит проблема выбора пути развития. Падение советской государственной системы обострило многие политические, социальные и экономические проблемы в России. Глобальные перемены в стране и мире создают серьезные предпосылки для формирования российской цивилизации с тернарной культурной системой, перехода к социально ориентированной рыночной экономике, демократическим методам руководства для творческого синтеза либерально-демократических ценностей с отечественной культурной спецификой. Между тем констатация готовности российского социума к рыночной системе, к созданию правового гражданского общества не означает безальтернативного развития. Перед Россией сохраняется по-прежнему широкий выбор путей исторического развития, что находит свое выражение в идейном плюрализме и многопартийности. Судьба России во многом зависит от формирования развитого рыночного хозяйства, адекватного российским цивилизационным основам, от деятельности политических сил, защищающих проведение демократических преобразований в стране.

Комплексное изучение основных аспектов истории формирования, становления экономической политики большевиков является необходимой предпосылкой для выявления основных факторов, заблокировавших реализацию альтернативной смешанной рыночной системы в России начала XX в., и тем самым дает основание для оценки ее шансов в современных условиях.

Обращение к исследованию процесса разработки и осуществления советской экономической политики в период 1920-х - начала 1930-х гг. определяется и потребностями развития исторической науки, которая стремится к фундаментальному пониманию особенностей развития страны после 1917 г., причин утверждения советского партийно-государственного строя.

Необходимость всестороннего системного изучения феномена советской политики и экономики обусловила авторский выбор проблематики. Объектом данного исследования, призванного способствовать созданию адекватного представления о природе большевистской политики, роли и месте ее в формировании советской государственной системы, является деятельность высшего партийно-государственного руководства по строительству социалистического народного хозяйства. Изучение истории становления советской экономической политики и хозяйства позволяет выявить закономерности и специфические черты, проявившиеся в обществе в 1920-е начале 1930-х гг. Поскольку наиболее ярким политическим воплощением основных тенденций в экономической политике и активным ее адептом выступал коллектив вождей, Политбюро, ЦК компартии и центральные хозяйственные органы, представляется целесообразной концентрация внимания и на изучении их деятельности.

Таким образом, предметом исследования является политика и экономика советского государства в 1920-е начале 1930-х гг. Критический анализ их взаимосвязи открывает возможность нового подхода к рассмотрению формирования советской хозяйственной системы, различных аспектов экономической политики большевиков и ее реализации.

Территориальные рамки исследования в основном ограничены территорией РСФСР, в ряде случаев используются материалы и других регионов СССР, поскольку исследование сосредоточено на изучении деятельности центральных органов партии и правительства.

Выбор хронологических рамок - 1921-1933 гг. - в значительной степени продиктован спецификой самого предмета исследования. В это время шло становление основных базовых составляющих социалистического общества. С конца 1917 до начала 1921 г. становление основ будущего хозяйства происходила в чрезвычайных условиях Гражданской войны, что накладывало на этот процесс известные ограничения. Поэтому, несмотря на то, что военный коммунизм во многом определялся большевистской доктриной, говорить об

оформлении советской экономической политики представляется возможным лишь применительно к 1921 г., когда начался нэп. Переход к мирной хозяйственной жизни был отмечен наличием разнообразных противоречивых тенденций, борьба которых во многом предопределила будущую советскую экономическую политику и хозяйство. В мирные 1920-е – начало 1930-х гг. хозяйственное строительство в полной мере отражало программные положения большевистской партии. В эти годы определился основной тип советского хозяйства. Одновременно происходило укрепление власти партийно-государственного аппарата, которое на десятилетия определило содержание советской истории. Обозначение 1933 г. в качестве другой хронологической границы исследования связано с окончанием первой пятилетки. Она закрепила победу тенденций, которые выкристаллизовались на протяжении всего изучаемого периода и стали альфой и омегой советской экономической политики. С учетом этих обстоятельств история разработки, осуществления экономической политики и становления советской хозяйственной системы в 1921-1933 гг. может быть предметом самостоятельного исследования.

Состояние научной разработки темы. Заявленная тема в отечественной историографии специально изучалась редко, а многие ее ключевые аспекты были только поставлены. Следует учитывать и такой важный момент, как пограничное состояние самой проблемы разработки и осуществления экономической политики на стыке истории, экономики, социологии, психологии. Это фундаментальная проблема, которая не может быть чисто экономической, или философской, являясь по сути исторической. Но ее специфика придает историографии многопрофильный характер.

В изучении обозначенной проблемы можно проследить четыре самостоятельных этапа. Первый приходится на 1920-е гг., второй – на начало 1930-х – середину 1950-х гг., третий – на середину 1950-х – середину 1980-х гг., четвертый продолжается с конца 1980-х до настоящего времени. Подобная периодизация является устоявшейся в отечественной историографии и исходит из общественно-политических условий, в которых происходило приращение знаний, определялись теоретические подходы и тематическая направленность исследований.

Будучи важнейшим объектом политики, главным инструментом восстановления мирной жизни страны и социалистического преобразования России, народное хозяйство с самого начала 1920-х гг. оказалось в поле зрения политиков, хозяйственников и экономистов. В работах 1920-х гг. был очерчен фактически полный спектр основных проблем, которые связаны с экономической политикой и многие из которых подверглись на долгие годы забвению, другие же стали предметом изучения историков и экономистов. Произведения политических, хозяйственных деятелей, ученых экономистов того времени содержали оценки, выводы, суждения, которые частично или в основном определяли основу концептуальных построений экономической политики государства на протяжении почти всех 1920-х годов. Что касается конца 1920-х гг. и первой пятилетки, то здесь уже господствовала не терпящая никакой оппозиции единая «генеральная линия», которую проповедовали и проводили И.В. Сталин и его окружение. Поэтому произведения политиков и экономистов 1920-х - начала 1930-х гг. правомерно рассматривать не только как историографический материал, но и как один из важнейших источников исследования разработки и становления советской экономической политики.

В.И. Ленин к концу жизни стал придавать больше значения постепенному, более основательному и осторожному реформистскому подходу к строительству социализма, предлагал центр тяжести перенести на мирную организационную и культурную работу. В то же время он сохранил верность революционным принципам, принесшим большевикам победу в Гражданской войне. Не удивительно, что уже в 1924 г. Н.И. Бухарин и Е.А. Преображенский, опираясь на работы вождя в определении задач большевистской экономической политики, диаметрально разошлись. Если Е. Преображенский со своим основным законом «первоначального социалистического накопления» обнаружил элементы преемственности

с военным коммунизмом, то Н. Бухарин рассматривал построение социализма с помощью нэпа через стимулирование торговли, кооперации.

Особую роль сыграл И.В. Сталин, который с конца 1920-х гг. оказывал определяющее влияние на формирование советской хозяйственной системы. Административное «подхлестывание» индустриализации, насильственная коллективизация - его бесспорный личный вклад в разработку и осуществление экономической политики. При этом в оценке хозяйственных результатов основным критерием истины выступала не практика, а теория, которую генсек превратил в заранее предопределенную реальной хозяйственной действительности доктринальную схему. Именно И.В. Сталин во многом придал примитивный и вульгарный характер экономической мысли 1930-х гг.

Что касается Л.Д. Троцкого, то он вместе с Н.И. Бухариным и Е.А. Преображенским в первой половине 1920-х гг. вносил существенный вклад в разработку хозяйственного курса большевистской партии. Переход к нэпу у него, как и Н.И. Бухарина, вызвал существенную перемену в воззрениях. У Л.Д. Троцкого появились идеи о необходимости использования рыночных отношений в переходный период, о плане как результате предвидения и согласования различных сторон хозяйствования, о неприменимости в новых условиях военно-коммунистических методов. Однако он, как и все вожди, остался верен «революционности». Так, Л.Д. Троцкий поддержал лозунг «первоначального социалистического накопления» Е.А. Преображенского, нередко рассматривая нэп лишь как политику, временно допускающую чуждые социализму рыночные формы.

Другую группу большевистских лидеров, в первую очередь Ф.Э. Дзержинского, Г.Я. Сокольникова, Л.Б. Красина, Г.М. Кржижановского, В.В. Куйбышева, А.М. Лежаву, А.И. Микояна, В.П. Ногина, А.И. Рыкова, И.Т. Смилгу и др., можно назвать практиками хозяйственной политики. В своих выступлениях, статьях они рассматривали проблемы отдельных отраслей хозяйства, которыми руководили. Их всех объединяла приверженность плану, поскольку планирование со времен гражданской войны рассматривалось большевиками в качестве основной формы взаимосвязи в экономике. Н.И. Бухарин, Г.Я. Сокольников, А.И. Рыков рассматривали возможность развития смешанной экономики в рамках нэпа, постепенного и осторожного расширения социалистического уклада¹.

В целом большевики были единодушны в том, что будущая социалистическая экономика будет безрыночной. Представляется, что подобное негативное восприятие большевиками рынка являет пример метафизического подхода к действительности. Они делали вывод, ложный даже с точки зрения формальной логики. Вместо того, чтобы взять на вооружение товарно-денежные отношения как форму экономической связи, тысячелетиями формировавшейся в человеческом обществе, они попытались уничтожить эту форму связи, не дожидаясь развития других форм, гипотетически мыслимые в марксистской теории.

Ничего удивительного, что уже в начале 1925 г. Госплан СССР начал разработку годового плана, в 1926 г. первого варианта пятилетнего плана на 1926/27-1930/31 гг. В ходе обсуждения проекта пятилетнего плана в 1927-1928 гг. были высказаны важные и интересные идеи по вопросам планирования, многие из которых на десятилетия опередили будущую советскую плановую науку. Большинство, так называемые «телеологи» (Г.М. Кржижановский, С. Струмилин, В. Мотылев, Н. Ковалевский и др.), выступали за директивное управление и ликвидацию товарно-денежных отношений. Их оппоненты, «генетики» (Н. Кондратьев, В. Базаров, В. Громан, А. Гинзбург и другие), признавая построение плана одной из важнейших предпосылок управления хозяйством, рассматривали его прежде всего как «систему перспектив» для регулирующих органов, притом «только в рамках возможного, и не больше»¹, отстаивали рыночный механизм хозяйствования.

¹ Бухарин Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Избранные произведения. М., 1988. С. 146-230; Рыков А.И. Ближайшие перспективы народного хозяйства СССР (Доклад в Деловом клубе 11 дек. 1923 г.) // Статьи и речи. В 4 т. М.-Л., 1928. Т. 2. С. 263-274; Сокольников Г.Я. Осенние «заминки» и проблемы хозяйственного развертывания. М., 1926.

¹ Кондратьев Н.Д. План и предвидение // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 6, 7.

Одним из самых компетентных специалистов среди лидеров большевиков был, безусловно, Г.Я. Сокольников. Бесспорна его роль в подготовке и проведении денежной реформы, во многом ключевой в 1920-е гг. Он последовательно защищал идею рыночного равновесия. По существу первым в партийном руководстве в 1925 г указывал на опасный размах жесткого административного вмешательства в экономику, на слишком амбициозные индустриальные программы. Нарком финансов не разделял всеобщей плановой эйфории, царившей в партии, настаивал на плане-прогнозе, а не на плане-директиве².

В области финансов даже в период наибольшего расцвета нэпа партийные вожди проявляли противоречивость. С одной стороны они стремились резко усилить финансирование народного хозяйства, а с другой постоянно клялись в приверженности «твердому» рублю. В таких условиях все чаще принцип коммерческой рентабельности отодвигался на задний план. Известные специалисты в финансовой области С.В. Воронин, С.Г. Чалхушьян, профессор А.А. Соколов, Я. Куперман, не отвергая необходимости планового регулирования кредитной системы, настаивали на обязательности соответствия учетного процента соотношению спроса на денежные средства с их предложением³. Н.Д. Кондратьев, Альб. Л. Вайнштейн, Л.Н. Юровский и другие экономисты немарксисты в 1925-1927 гг. пытались доказать руководству страны опасность чрезмерного перекачивания средств из других отраслей экономики в промышленность, необоснованно быстрого развертывания капитального строительства⁴.

Работы ученых 1920-х гг. недвусмысленно доказывали необходимость пересмотра хозяйственных планов и программ по сокращению размаха активных кредитных операций, бюджетных изъятий из национального дохода. Как пророчество-указание звучали утверждения Л.Н. Юровского, что каждой хозяйственной системе необходимо равновесие, что советское хозяйство, будучи плановым, является вместе с тем системой товарно-денежного хозяйства, что глубочайшим образом отличало ее от системы военного коммунизма. Кредитные планы не могли, по его мнению, составлять в качестве простого вывода из всех прочих планов¹, но именно такая практика утверждалась в середине 1920-х гг. и получила развитие в первой пятилетке.

Исключительно все экономические вопросы были связаны с индустриализацией страны. Шел поиск разрешения проблем управления государственной промышленностью, ее финансирования, преодоления отсталости, повышения производительности труда и т.д. Так, многие специалисты в 1920-х гг. (А.А. Дезен, И.А. Кириллов и др.) предлагали ввести возвратность бюджетных ассигнований, усматривая в этом возможность сокращения безхозяйственности в промышленности. Дело осложнялось тем, что в СССР фактически отсутствовал ссудный капитал, как рыночная цена, отрицалась сама идея процентирования всего капитала промышленности (ее выдвигал НКФ времен Г.Я. Сокольникова). Сторонники возвратности средств предлагали директивно устанавливать нормы накопления, а «предпринимательскую прибыль советских трестов оставлять в их распоряжении», настаивали на развитии кредита².

Специалисты института финансово-экономических исследований при Наркомфине плодотворно работали над проблемой долгосрочного кредитования промышленности. В 1928 г. результаты работы были опубликованы. Были изучены принципы и организация долго-

² Сокольников Г.Я. Указ. соч. С. 5-8, 37-38.

³ Воронин С.В., Чалхушьян С.Г. Перспективы денежного обращения и кредита в 1925/26 году и контрольные цифры Госплана Союза // Вестник финансов. 1925. № 11-12. С. 107, 129; Соколов А.А. Учетный процент, как регулятор товарных цен // Вестник финансов. 1926. № 1. С. 56, 61; Куперман Я. Проблема регулирования современной банковской системы СССР // Вестник финансов. 1926. № 5-6. С. 6, 12.

⁴ Кондратьев Н.Д. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI. С. 66; Юровский Л.Н. К проблеме плана и хозяйственного равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12. С. 30, 31; Вайнштейн Альб. Л. Итоги и основные процессы народного хозяйства СССР в 1926/27 хозяйственном году // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11-12. С. 15.

¹ Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. М., 1928. С. 373; Он же. Основы кредитной политики. М., 1929. С. 63, 65.

² Каценеленбаум З. Кредитная система СССР и финансирование народного хозяйства (1917-1927 гг.) // Вестник финансов. 1927. № 11. С. 154, 158; Гиндин И.Ф. К проблеме долгосрочного промышленного кредита // Вестник финансов. 1927. № 12. С. 45, 47, 48.

срочного кредитования промышленности, его источники и формы. Предлагалось расширить кредитование «здорового» частного и сблизить учетный процент вольного рынка и государственной кредитной системы, без чего вряд ли была возможна организация нормального рынка капиталов и т.п.¹ Но конструктивного отношения к этой серьезной работе не последовало. Наоборот, раздавались настойчивые призывы больше уделять внимания критике враждебной «кредитной теории индустриализации»².

С начала нэпа стали активно изучаться вопросы торговли. Правда, партийное руководство уже тогда имело однозначный взгляд на торговлю: всякое усиление кооперации и госторговли трактовалось как безусловное расширение сферы социалистического хозяйства; наоборот, всякое их ослабление - как расширение сферы капиталистических отношений. Видели большевики и основные «минусы» государственной торговли, а именно, слабую гибкость, громоздкость, бюрократизацию, недостаточную приспособленность к обслуживанию многомиллионных потребителей, но полагали, что с помощью упорной работы партии можно устранить эти «недостатки»³. Умеренные в партии осторожно подходили к возможностям быстрого вытеснения частного торговца государственной торговлей и кооперацией, особенно в рознице. К ним можно отнести Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, Ф.Э. Дзержинского, А.М. Лежаву, которые, хотя и непоследовательно, но пытались найти механизм взаимодействия с частником⁴.

Наиболее же ортодоксальные, их было явное большинство (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, А.И. Микоян, Ю. Ларин, Л. Крицман и др.), предпочитали торопить события, связывая многие негативные явления в товарообороте с существованием частного (оптоворозничные «ножницы», обострение товарного голода, спекуляцию). Так, Л.Б. Каменев уже в конце 1924 г., подводя итоги введения регламентации розничных цен на соль, керосин и сахар, восторженно восклицал: «Мы можем преследовать частных торговцев. Это очень большой шаг вперед»¹. Но в первой половине 1920-х гг. большевистские вожди были достаточно терпимы к частному торговцу, понимали необходимость подъема товарооборота и укрепления через него связи города с деревней.

На протяжении 1920-х гг. политика низких цен оставалась основным «экономическим рычагом» в оптовом и розничном обороте, зачастую она не покрывала торговых издержек и приводила к серьезному нарушению динамического равновесия между спросом и предложением, способствовала росту спекуляции, товарному голоду. В.В. Новожилов, Л.Н. Юровский, Н.Д. Кондратьев и многие другие ученые-экономисты доказывали, что товарный голод был результатом искусственного расширения емкости внутреннего рынка посредством накачивания в каналы денежного обращения банковской и казначейской валюты, а также административного назначения низких цен под предлогом борьбы со «спекуляцией». С цифрами в руках доказывалось, что преодоление товарного голода дальнейшим форсированием промышленного производства обречено на полную неудачу, поскольку корень хозяйственных затруднений лежал в «недостатке реальных ресурсов», их несоответствии размерам затрат, что и привело к кредитно-денежной инфляции².

Среди большевиков были деятели (Ф.Э. Дзержинский, Н.И. Бухарин, М.И. Фрумкин и другие), которые видели в товарном голоде опасность дезорганизации народного хозяйст-

¹ Проблемы долгосрочного кредитования промышленности. М., 1928. С. 18, 35, 43, 44, 50.

² Боголепов Д. Кредитная теория финансирования промышленности // Экономическое обозрение. 1928. № 3. С. 63, 70; Павлов К. Проблемы долгосрочного кредитования промышленности // Там же. С.174; Он же. Новые книги по экономической политике // Экономическое обозрение. 1929. № 1. С. 168.

³ Об очередных задачах экономической политики. Резолюция XIII партконференции // КПСС в резолюциях... Изд-е 8-е. М., 1970. Т. 2. С. 523.

⁴ Экономическая жизнь. 1924. 7 дек.; Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. В 2-х тт. М., 1977. Т. 2. С.87-88.

¹ Каменев Л.Б. Доклад об очередных задачах экономической политики // Об очередных задачах экономической политики. Витебск, 1924. С. 34.

² Кондратьев Н.Д. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI; Новожилов В.В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2; Репше Я.Х. Наши экономические проблемы // Плановое хозяйство. 1926. № 2; Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12; Он же. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. М., 1926. С. 26, 36, 43.

ва. Так, Н.И. Бухарин прямо называл товарный голод формой кризиса, настаивал на его быстрой ликвидации³. Правда, ни он, ни другие сторонники ликвидации товарного голода не подвергали сомнению правильность политики цен, что в значительной степени ослабляло их позицию. Более последовательно выглядели те партийные руководители (В.В. Куйбышев, А.И. Микоян), которые усматривали положительное воздействие товарного голода на все народное хозяйство¹. Такой подход разрушал торговлю и утверждал необходимость административного распределения товаров (планы завоза, генеральные договоры и т.п.).

В 1920-е гг. широко развернулся анализ процессов, происходивших в деревне. Ведущим направлением в литературе являлось изучение социально-экономической обстановки в деревне. При этом вектор изучения был направлен на характер классового расслоения крестьянства. Тон задавали Аграрный институт Коммунистической Академии и Научно-исследовательский институт экономики и организации социалистического земледелия².

Однако истинный вектор научного поиска в 1920-е гг., на наш взгляд, определил член коллегии Наркомзема, выдающийся ученый А.В. Чаянов, подчеркивавший, что аграрная политика должна строиться так, «чтобы государственные интересы совпали с частными интересами крестьян, так как только эти интересы гарантируют успех...»³. Основной аграрной проблематикой в 1920-е гг. были вопросы планирования, налогов, цен, товарности сельскохозяйственного производства и поддержки крестьянского хозяйства. К середине 1925 г. в Наркомземе под руководством Н.Д. Кондратьева был подготовлен перспективный план развития сельского и лесного хозяйства. Ставка делалась на аграрно-индустриальный тип народного хозяйства, на сохранение хозяйственного равновесия. Н.Д. Кондратьев подчеркивал, что искусственное ускорение индустриализации затормозит развитие производительных сил деревни⁴.

Аграрники-экономисты обращали внимание на несовершенство налоговой системы, которая чрезмерно облагала средние и сильные группы деревни, что серьезно ограничивало накопление и возможность расширения воспроизводства в сельском хозяйстве. Поэтому, например, Н.Д. Кондратьев считал, что при наличии в руках государства промышленности, транспорта, кредита - процесс дифференциации деревни не таил в себе никаких социально-экономических неожиданностей¹.

Непомерная прогрессивность налогов, низкие цены закладывали экономическую стагнацию сельского хозяйства, что грозило тяжелыми последствиями всему народному хозяйству. Об этом осенью 1927 г. писали в своих записках в комиссию В.М. Молотова ученые-аграрники, представляющие разные научные школы (П.П. Маслов, А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев)². Однако тогдашние лидеры партии уже переходили в наступление. В 1927 г. они окончательно подчинили своему влиянию ЦСУ, реорганизовали Конъюнктурный институт при НКФ, отстранили от активного участия в центральных хозяйственных учреждениях беспартийных специалистов.

В целом литература 1920-х гг. достаточно полно отражала процессы разработки экономической политики. Большую ее часть составляли выступления в периодических изданиях практических работников. Историографическая ценность этих работ очень высока, поскольку написаны они были специалистами, знакомыми с хозяйственными проблемами не по литературным и документальным источникам, а по непосредственной практической ра-

³ Бухарин Н.И. Заметки экономиста // Правда. 1928. 30 сент.

¹ Микоян А. Диспропорция и товарный голод // Большевик. 1926. № 23-24. С. 26.

² Крицман Л.Н. Классовое расслоение в советской деревне. М., 1926; Гайстер А.И. Расслоение советской деревни. М., 1927; Кретов Ф.Д. Классовое расслоение в деревне. М., 1927 и др.

³ Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917-1922. М., 1990. С. 325.

⁴ Кондратьев Н.Д. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. Доклад от Народного комиссариата Земледелия РСФСР на заседании президиума Госплана СССР, 4 июля 1925 г. // Пути сельского хозяйства. 1925. № 4. С. 191-193; Он же. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI. С. 66.

¹ Кондратьев Н.Д. К вопросу о дифференциации деревни // Пути сельского хозяйства. 1927. № 5. С. 129-139.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 216; № 7. С. 195; № 10. С. 204-206.

боте. Для большинства из них было характерно глубокое знание деталей, понимание протекавших в народном хозяйстве процессов. Большинство работ экономистов 1920-х гг. носит ярко выраженный исследовательский характер. Разработка вопросов осуществлялась, как правило, в соответствии с обоснованной научной методикой анализа фактического материала, чего нельзя сказать о работах партийных вождей, экономистов-коммунистов, предпочитавших обращать внимание на выдержанность классового подхода к изучаемым экономическим проблемам. Все это привело к тому, что в 1920-е гг. был основательно исследован широкий круг проблем и накоплен богатый материал по изучению хозяйственных процессов, который был на долгие десятилетия «забыт».

Этому способствовал второй период изучения (1930-е-середина 1950-х гг.), который отличался фантастическим идеологическим диктатом. Бурный рост капитальных вложений в тяжелую промышленность, постоянное подстегивание и без того сверхвысоких темпов индустриализации, насильственная коллективизация сельского хозяйства, фактическое свертывание торговли в начале 1930-х гг., разрушение финансово-кредитной системы – все оценивалось однозначно положительно. Свободный и объективный анализ экономической политики, народного хозяйства стал невозможен. Работы 1930-х гг., от руководителей страны до рядовых экономистов, были наполнены апологетикой успехов наступления социализма по всему фронту. С начала 1930-х гг. одним из направлений в литературе становится развенчание недавних кумиров (Н.И. Бухарина, А. И. Рыкова и др.), разоблачение «вредителей» (А.В. Чайнова, Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Юровского и др.). В 1930-е гг. экономическая наука деградировала. Работы ученых базировались на ограниченном фактическом материале, который использовался исключительно для иллюстрации достижений коммунистической партии, мудрости и гениальности ее вождя.

Серьезные изменения стали происходить только с середины 1950-х гг. в связи с критикой «культы личности И.В. Сталина». Ученые получили возможность критически оценивать отдельные стороны в деятельности партии и государственных органов. Этого оказалось достаточно для заметного расширения тематики исторических и экономических исследований. В экономической науке появились ученые, которые пытались, насколько это возможно было в советских условиях, отстоять товарную природу советского хозяйства. Существенным достижением этого периода было широкое использование архивных документов. В большинстве работ, посвященных экономической политике и истории народного хозяйства СССР, содержится хотя и тенденциозный, но все-таки научный анализ документов. По объективным условиям историки и экономисты не могли анализировать противоречия или негативные стороны становления советской экономической политики в 1920-1930-е гг. Подчеркивалась лишь успешность экономической политики, а в качестве главного условия этой успешности называлось партийное руководство.

Серьезный сдвиг в советской историографии приходится на 1960-1970-е гг. Именно в это время историки впервые достаточно основательно начали изучать масштабные негативные явления в социалистическом преобразовании деревни. Однако указанный процесс очень быстро был прерван. Уже в конце 1960-х гг. эти подходы были названы односторонними и «очернительскими». Поэтому советская историография на протяжении 1970-1980-х гг. продолжила преимущественную разработку вопросов социалистического преобразования сельского хозяйства. Доминировали проблемы массового колхозного движения, ликвидации кулачества, организационно-хозяйственного укрепления колхозов¹. Появились крупные монографические исследования социалистической индустриализации, торговли в период нэпа, социалистической реконструкции народного хозяйства (1926-1937 гг.)². Бур-

¹ См.: Погудин В.И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. М., 1975.

² Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967; Воскресенский Ю.В. Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации СССР (1925-1927). М., 1969; Жибарев П.Б. Индустриализация СССР – великий подвиг Советского народа. М., 1969; Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление. М., 1969; Дмитренко В.П. Торговая политика советского государства после перехода к нэпу (1921-1924 гг.). М., 1971; Дмитренко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И. Партия и кооперация. М., 1978; Беянова А.М. О темпах экономического развития СССР. По материалам дискуссий 20-х годов. М., 1974; Данилов В.П., Славко Т.И. Крестьянское хозяйство, колхозы и совхозы СССР в 1924/25-1927/28 гг. По данным

ный рост советской исторической науки подтверждался появлением крупных историографических исследований, подводивших главные итоги изучения индустриализации, сельского хозяйства, советского общества³.

Советская историография признавала наличие рыночной стихии, изучала взаимодействие «плана и рынка», справедливо рассматривала экономику 1920-х гг. как смешанную. К достижениям советской исторической науки можно отнести преодоление сталинского тезиса о едва ли не полукOLONIALном положении России накануне октября 1917 г. Форсированная индустриализация справедливо связывалась с сужением сферы действия экономических рычагов управления. Вместе с тем размещение займов, повышение цен и увеличение производства спиртоводочных изделий, увеличение экспорта зерна, карточное распределение продуктов первой необходимости рассматривались сугубо как вынужденные меры. Советские историки не видели хронических кризисов снабжения и карточек, а проблему товарного дефицита рассматривали через призму отдельных просчетов, ошибок в планировании, внутренних и внешних катаклизмов.

Историография индустриализации изучала проблемы планирования, финансирования, темпов, повышения эффективности капитальных вложений и борьбу с бесхозяйственностью и т.д. Однако все это рассматривалось под знаком полной уверенности в беспорности все тех же мнимых «огромных преимуществ социалистической индустриализации», которыми были одержимы И.В. Сталин и его окружение в 1930-е гг. В качестве одного из основных доказательств этих преимуществ советская историография активно изучала трудовой энтузиазм (ударничество, социалистическое соревнование). Действительно, нельзя отрицать наличия энтузиастов в строительстве социализма, но сегодня совершенно очевидно не только явное преувеличение этого явления советскими историками, но и серьезные фальсификации, поскольку в социалистическом соревновании сразу же обнаружилась известная «болезнь» - выдавать желаемое за действительное.

Советские историки констатировали рост брака во всех отраслях промышленности, не выполнение планов по углю, металлу, производительности труда, себестоимости в первой пятилетке. Проблемы эффективности промышленного производства, качества промышленной продукции, несовершенства кредитно-денежной системы, товарного голода в 1920-е гг. и в годы первой пятилетки рассматривались как временные, и объяснялись слабостью технической базы, ограниченностью индивидуальных крестьянских хозяйств, низким культурным уровнем рабочего класса, недостатками в организации труда, отдельными просчетами, ошибками, «извращениями», вредительством¹.

Это в свою очередь приводило к утверждению об улучшении организации хозрасчета в промышленности, которого фактически не было. В научной литературе даже 1980-х гг. встречались ярлыки начала 1930-х гг. типа «кредитной теории индустриализации». С другой стороны, восстановление промышленности, индустриализация изучались как почти поступательно-прогрессивные процессы, постоянно приближавшиеся к идеалу. Поэтому нэп рассматривался как подступ к социалистической индустриализации, а это приводило к забвению богатого опыта в разработке и осуществлении многих вопросов индустриализации страны. Сохранился односторонний подход 1930-х гг. и к проблеме плана и рынка. Многие достижения 1920-х гг. в этом отношении не были востребованы. Для советской историографии не существовало труда спецпереселенцев (кстати, именно они составляли значительную часть строителей Магнитки, Кузнецкого комбината), заключенных ГУЛАГа,

налоговых сводок НКФ СССР. М., 1977. Вып. 1; Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле, 20-е - начало 30-х годов. М., 1978; Данилов В.П. Доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979; Богомазов Г.Г. Формирование основ социалистического хозяйственного механизма в СССР в 20-30-е годы. Л., 1983 и др.

³ Очерки историографии советского общества. М., 1967; Зак Л.М., Лельчук В.С., Погудин В.И. Строительство социализма в СССР. Историографический очерк. М., 1971; Чинчиков А.М. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР (1917-1969 гг.). М., 1971; Смышляев В.А. Торжество ленинского кооперативного плана. (Историографический очерк истории коллективизации сельского хозяйства). Л., 1972; Погудин В.И. Указ. соч.; Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация и ее освещение в советской историографии. М., 1975; Он же. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984.

¹ Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. С. 168, 169.

она не усматривала в «работе без выходных» связи с самой сутью утвердившейся огосударственной экономики с присущими ей понятиями «авральщины», «недостроя», «халатности» и прочего.

Несмотря на весьма длительный этап в изучении социалистической экономики и политики, советская историография внесла мало нового в разработку ее проблем. В условиях жестких идеологических ограничений советская историография не могла исследовать систему функционирования государственной промышленности, сельского хозяйства, финансово-кредитной системы сначала в условиях легализации товарно-денежных отношений, а затем их резкого ограничения.

Что касается работ, где целью исследования являлась экономическая политика 1920-1930-х гг. в целостном виде, то можно назвать лишь работу В.И. Кузьмина и труд известных советских историков Ю.А. Полякова, В.П. Дмитриенко, Н.В. Щербань¹, которые несли на себе печать уже отмеченных особенностей советской историографии. Более энергично вели исследования вопросов экономической политики партии и народного хозяйства экономисты. Особо следует отметить работу М.П. Евсеева, в которой рассматривалась история разработки и формирования экономической политики в 1926-1936 гг.² Вне внимания советских историков и экономистов оставался вопрос о влиянии политики, идеологии, морали, культуры общества на развитие экономики. Основная причина этого: господство идеи первичности бытия, экономического базиса и вторичности сознания.

Перефразируя известного мыслителя Л.П. Карсавина, подчеркнем, что советская историография ошибалась потому, что фактически отвергала ценности иных «склонностей», признавая их чисто субъективными или буржуазно-ограниченными¹. Несомненным достижением советской историографии, безусловно, явилось введение в научный оборот значительного фактического материала без которого сегодня не мыслимо изучение указанных проблем.

Западная историография времен конфронтации с «социалистическим лагерем» во многом была отражением советской. Мы разделяем оценки Е.А. Осокиной, которая, ссылаясь на известного специалиста по советской экономике англичанина Р. Дэвиса, а также американку Ш. Фицпатрик, указывала на схожесть черт официальной советской историографии и тоталитарной школы на Западе, уживавшейся с идеологической непримиримостью этих направлений².

Положение в советской историографии стало меняться в конце 1980-х годов. Политика гласности привела к раскрепощению исторического мышления. На страницах отечественных журналов появились статьи, книги известных западных историков, занимавшихся историей советской экономики (Э. Карр, Р.У. Дэвис, П. Грегори, А. Ноув, Т. Шанин и др.). Началось припоминание и восстановление забытого и не востребованного. Однако, думается, эти годы были временем «детской болезни» историографии, когда идеология развернулась на сто восемьдесят градусов, но сохранила прежнюю нетерпимость. Глубокий анализ перестроечной литературы дан Г.А. Бордюговым, В.А. Козловым и Р.У. Дэвисом, что избавляет нас от необходимости углубляться в эти сюжеты³.

С начала 1990-х гг. обозначился процесс формирования новой разносторонней теоретико-методологической основы в отечественной историографии. Спектр представлений и

¹ Кузьмин В.И. В борьбе за социалистическую реконструкцию, 1926-1937: Экономическая политика Советского государства. М., 1976. Поляков Ю.А., Дмитриенко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика: разработка и осуществление. М., 1982.

² Построение фундамента социалистической экономики. М., 1960; Социалистическое народное хозяйство в 1933-1940 гг. М., 1960; Атлас 3.В. Социалистическая денежная система. Проблемы социалистического преобразования и развития денежной системы СССР. М., 1969; Шаги пятилеток. Развитие экономики СССР. М., 1968; Евсеев М.П. Экономические проблемы строительства социализма в советской литературе 1926-1936 гг. Томск, 1973; Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. М., 1990. и др.

¹ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 236.

² Осокина Е.А. Указ. соч. С. 20.

³ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992; Дэвис Р.У. Советская экономическая реформа в исторической перспективе // Нэп: приобретения и потери. М., 1994.

оценок советского общества 1920-1930-х гг. сегодня широк и многообразен, поскольку они, как правило, определяются ценностными установками самих исследователей. Амплитуда выводов о перспективах развития деревни колеблется от категоричного утверждения объективной неизбежности и предопределенности политики массовой коллективизации до не менее категоричных позиций о нераскрытом потенциале индивидуального крестьянского хозяйства. Кроме того, в ряде исследований новации продиктованы инверсионной логикой мышления, согласно которой созидание, выход к правде уже содержится в отрицании, разрушении кривды¹.

Тем не менее, представляется, что современная историография постепенно освобождается от прежней нетерпимости, хотя и сегодня по-прежнему настроена критически не только к советской историографии, но и в целом к советской истории. Это вполне закономерная и естественная реакция на прежнюю, одностороннюю, глянцево-положительную историю. Правда, чаще исследуется политическая история и реже - становление советского хозяйства. Почти все работы представляют попытки переосмыслить историю, обновить научное мировоззрение². Судя по содержанию новейших исследований, эта творческая работа находится в самом начале.

С конца 1980-х отечественная историография наращивала интенсивность исследований, посвященных аграрной политике 1920-1930-х гг., которые отличались расширением проблематики и дальнейшим переосмыслением истории советского крестьянства. Высоко оценивает современная историография практику кооперирования крестьянских хозяйств 1920-х гг.¹ Вместе с тем сохраняется и сугубо положительная оценка нэпа и его перспектив². В.П. Данилов рассматривает кооперацию в качестве альтернативы сталинской коллективизации³. В целом современная историография подходит к выводам экономистов 1920-х гг. о разумно регулируемых рыночных отношениях, которые в условиях нэпа могли обеспечить не только восстановление, но и развитие сельскохозяйственного производства. Вместе с тем в литературе продолжают оставаться исторические дилеммы: неизбежность и жизнеспособность нэпа; альтернативность процессов в переходной эпохе и т.д.

Плодотворны усилия современных историков в исследовании проблем сельского хозяйства в эпоху коллективизации⁴. Здесь, прежде всего, ощутимо присутствие крупного пласта новых, ранее недоступных источников. Современные исследователи выделяют насилие и произвол, как доминирующие качества коллективизации, склоняются к признанию искусственного характера голода 1932-1933 гг. Однако в последнее время намечается в литературе не только признание объективной необходимости коллективизации, но цена ее и

¹ См.: Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России // СОЦИС. 1991. № 5.

² Голанд Ю. Валютное регулирование в период нэпа. М., 1993; Павлова И.В. Сталинизм: Становление механизма власти. Новосибирск, 1993; Она же. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001; Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму: 1917-1929 гг. М., 1994; Лютов Л.Н. Частная промышленность в годы нэпа (1921-1929 гг.) Саратов, 1994; Он же. Государственная промышленность в годы нэпа. 1921-1929. Саратов, 1996; Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993; Он же. Политбюро. Механизм политической власти в 30-е годы. М., 1996; Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928-1935. М., 1993; Она же. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1997; Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921- 1929 гг.). СПб., 1997; Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917-1928 гг.) СПб., 1997.

³ Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989; Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921-1927 гг.). Новосибирск, 1992; Симонов В.В., Фигурновская Н.К. Послесловие. Особое мнение // Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2-х книгах. Кн. 1. М., 1993. С. 549-550; Роголина Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 139-149; Кочетков И.В. Зерновое хозяйство в годы нэпа: действительность и возможности // Экономическая история России XIX-XX вв.: Современный взгляд. М., 2001 и др.

² Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства в политике Советского государства в 30-е – первой половине 80-х гг. (на материалах Урала). Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1993. С. 21.

³ Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 1. М., 1999. С. 15.

⁴ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). М., 1994; Судьба российского крестьянства. М., 1995; Зеленин И.Е. Был ли «колхозный неонэп»? // Отечественная история. 1994. № 2; Он же. «закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Отечественная история. 1998. № 1; Он же. Аграрная политика и сельское хозяйство в СССР после «революции сверху» (1930-е годы) // Экономическая история России XIX-XX вв.: Современный взгляд. С. 105-121; Вылцан М.А. Сталинский продуктообмен и товарное производство «особого рода» в 1930-е годы // Там же. С. 122-131 и др.

индустриализации признается приемлемой в свете модернизации экономики и создания мощного оборонного потенциала¹.

Сегодня споры о методах, достижениях социалистической индустриализации постепенно затихают. На смену им приходит желание понять экономику, сложившуюся в результате форсированной индустриализации. В литературе наблюдаются попытки соединить изучение поведения власти с анализом рыночной активности общества². Сохраняется в современной историографии стойкий интерес к нэпу. В последние годы появились серьезные труды, рассматривающие широкий спектр проблем становления, разработки и осуществление экономического курса в условиях 1920-х гг.

Глубокий анализ проблем нэпа, а также состояния современной историографии, осуществлен И.Б. Орловым. Вместе с тем, трудно согласиться с автором, что к середине 1990-х гг. отечественные исследования вышли на качественно новый уровень: анализу подвергаются все аспекты и стороны нэпа, начинается тщательное исследование замыслов и реальных действий правящей партии. Думается, это явное преувеличение - перед нами только начало процесса. Для нас значим вывод автора о том, что только наметилась серьезная и трудоемкая работа по анализу взаимодействия и взаимовлияния процессов, происходивших в исследуемый период в сельском хозяйстве, промышленности, в сфере внутренней и внешней торговле³.

В то же время мы не можем согласиться с его оценкой нашего вывода о том, что в ходе нэпа складывалась новая хозяйственная система, отличная от «военного коммунизма», что к 1923 г. «вполне сложились» товарно-денежные отношения и свободный легальный рынок. И.Б. Орлов при этом в качестве аргументов называет половинчатость, непоследовательность, незаконченность, неразвитость и деформированность нэповского рынка¹. Между тем совершенно очевидно, что в нашем тезисе речь идет не о политике большевиков, а о стихийно восстанавливавшейся хозяйственной довоенной традиции (иногда вопреки партийному руководству), основным носителем которой было крестьянство. Кроме того, названные аргументы И.Б. Орлова отвечают лишь идеальной модели рынка. С этой точки зрения, безусловно, путь к эффективной рыночной экономике слишком труден, чтобы люди могли быстро пройти его.

Наиболее близки к избранной нами проблеме исследования Е.В. Богомоловой, В.А. Мау и С.В. Цакунова, С.В. Виноградова, в центре внимания которых находятся отдельные вопросы разработки экономической политики в рамках господствовавшей доктрины. Авторы показывают, что на протяжении всех 1920-х гг. ведущими в действиях партийно-государственного руководства в области экономики были не прагматические хозяйственные, а классовые, идеологические мотивы². Самым характерным для современных работ является уход от односторонних идеологизированных оценок процессов, протекавших в политике и экономике. Современные исследователи стремятся показать противоречивость процессов становления советской экономической политики и советского хозяйства в 1920-е гг.

Следует отметить, что в неослабевающем интересе западной историографии к советской истории 1920-1930-х гг. присутствует почти сходная проблематика. Например, профессор У.Г. Розенберг в предисловии к сборнику «Россия в эпоху нэпа» характеризует нэп как попытку государства приспособиться к конкретным условиям с целью продолжать большевистский «эксперимент», но с учетом многовековых традиций. Профессор Г. Альт-

¹ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. С. 70.

² См.: Осокина Е.А. Указ. соч.; Симонов Н.С. Указ. соч. Правда страсти вокруг 1920-1930-х гг. в научных кругах продолжают сохраняться. Об этом говорит обсуждение на страницах журнала «Отечественная история» работы В.П. Булдакова «Красная смута», а также дискуссия по поводу «социальной истории» и «ревизионизма» в изучении сталинской России (Отечественная история. 1999. № 3).

³ Орлов И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М., 1999. С. 21, 25, 33.

¹ См.: Грик Н.А. Экономическая политика партии и монополизм в советской хозяйственной системе (1921-1929 гг.) // Социально-политическое развитие Сибири (XIX-XX вв.): Сб. статей. Томск, 1992. С. 93-94; Орлов И.Б. Указ. соч. С. 56.

² Богомолова Е.В. Указ. соч.; Мау В.А. Указ. соч.; Цакунов С.В. В лабиринтах доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994; Виноградов С.В. Нэп: опыт создания многоукладной экономики. М., 1996.

рихтер говорит о «неразрешимых» противоречиях между политикой партии и сопротивляющимся крестьянством. Он уверен, что крестьянские традиции могли быть сломаны только насильственным путем.

В изучении ряда проблем западные историки продолжают опережать отечественных исследователей. Так, М. Фон Хаген доказывает и весьма убедительно, что социальной опорой режима стала армия, обращает внимание на укрепление армейских привилегий с середины 1920-х гг.¹ У западных и отечественных историков встречаются сходные выводы о роли крупных капиталовложений в промышленность в эпоху нэпа. Показательна позиция авторитетного специалиста по изучению советской экономики Р.У. Дэвиса, который подчеркивает: «При том темпе индустриализации, который советское руководство навязало экономике, система нэпа была обречена на провал». По мнению П. Гэтрела и Р. Дэвиса инструменты управления промышленностью и сельским хозяйством при нэпе в основном были приняты и развиты еще во времена военного коммунизма².

Одной из актуальных и спорных проблем остается функционирование рыночных механизмов в советской экономике 1930-х гг. В отечественной историографии в этом отношении серьезные достижения связаны с работами Е.А. Осокиной. Она, проанализировав взаимоотношения централизованного распределения и рынка в снабжении населения, в частности, пришла к выводу, что, несмотря на жесткую борьбу советского государства с черным рынком в условиях товарного дефицита, он был неистребим³. Судя по исследованию С. Коткина, и западная историография только подступает к изучению рынка при социализме. Автор показывает специфику черного рынка 1930-х гг., хорошо знакомую многим советским людям и по 1950-1970-м гг. - паразитизм, спекулятивный характер, впечатляющие масштабы воровства. С. Коткин приходит к выводу, что именно в торговле «творчество масс» было наиболее впечатляющим⁴.

Сегодня, прежде всего в западной историографии, намечаются исследования не столько экономической политики большевиков, сколько взаимодействия и взаимопроникновения политического, социального и экономического факторов. Отсюда перенос центра тяжести в изучении 1930-х гг. на советскую повседневность, социально-психологическое состояние общества. Так, С. Коткин, показывая «идиотизм» городской жизни, связанный с выживанием основной массы новых рабочих, обращает внимание на партийную дисциплину, на постоянную угрозу ареста со стороны НКВД, на моральное давление. Подмечен им и факт ограниченности государственного контроля над повседневной жизнью горожан, особенно это относилось к быту¹. Западная историография, исследуя город и деревню, индустриализацию пытается постичь указанное неразрывное единство². В этом отношении показательна монография М. Малиа, где указывается на партийный дух, который был важнее любых экономических программ, что им проникались коммунисты и беспартийные³.

Еще одним важным явлением современной историографии стал возрастающий интерес к синтезу исторического и психологического в исследованиях историков⁴. Труды этого на-

¹ Russia in Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. Ed. By S. Fitzpatrick, A. Rabinovitch and R. Stites. Indiana University Press, 1991. P. 3, 160-162, 194.

² From Tsarism to the New Economic Policy. Continuity and Change in the Economy of the USSR. Ed. By R.W. Davis. New York, Cornell University Press, 1991. P. 84, 151.

³ Осокина Е.А. Указ. Соч. С. 159-160.

⁴ Kotkin Stephen. Magnetic mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1995. P. 278, 279.

¹ Kotkin Stephen. Magnetic mountain. P. 215-217, 353, 354.

² Грациози А. Крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933 гг. М., 2001; Гэтрел П. «Бедная» Россия: Роль природного окружения и деятельность правительства в долговременной перспективе в экономической истории России // Экономическая история России XIX-XX вв.: Современный взгляд. С. 206-242; Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001; Она же. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

³ Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. М., 2002. С. 198.

⁴ Русская история: проблемы менталитета. Тезисы науч. конф. М., 1994; Российская повседневность. 1921-1941 гг.: Новые подходы. Доклады, сделанные на международной междисциплинарной конф. 16-19 авг. 1994 г. СПб., 1995; Шинкарчук С.А. Общественное мнение в Советской России в 30-е годы (по материалам Северо-Запада). СПб., 1995; Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996; Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докладов науч. конф. в Москве, 29-31 окт. 1996.

правления помогают понять, что скрывалось за внешней формой существования советских людей в 1920-1930-е гг., за мифами о всеобщей поддержке большевиков народом, социальном единстве общества, энтузиазме первых пятилеток и всеобщей устремленности к социализму. Становится очевиднее, например, что энтузиазм был не всеобщим, а скорее стандартизированным.

Для более глубокого понимания советской экономической политики представляют интерес современные исследования, посвященные развитию военной промышленности и военному строительству¹.

Заслуживает внимания концепция, считающая, что в советском государстве в 1920-1930-х гг. был государственный капитализм. Она высвечивает новые стороны природы сталинизма². Думается можно согласиться с известным востоковедом М.А. Чешковым, что сложность превращения мироисторического бытия сталинизма резко контрастирует с простотой, а то и с убогостью его внутренней структуры, которая не случайно строится по принципу упрощения³. Именно этот принцип вводит в заблуждение исследователей, усматривающих в советской экономике государственно-монополистический капитализм, идеологически окрашенный под социализм, а в партийном руководстве новую буржуазию⁴. В данном случае упускается из вида, что исторические симметричность и аналогии не предполагают сходства между ними. Имея в виду сегодняшние реалии, сталинизм скорее историческая форма, сопутствующая капитализму.

В целом, фиксируя позитивные тенденции последних лет в изучении проблем разработки и осуществления советской экономической политики 1920-х начала 1930-х гг. (значительное обновление и расширение источниковой базы, стремление историков к всестороннему освещению всей совокупности известных фактов и к объективности в их интерпретации, отказ от однозначной оценки политики большевиков и т.д.), следует признать, тема «Политика и экономика советского государства» так и не стала предметом специального углубленного комплексного изучения. Ее разработка по-прежнему ограничена тематическими и хронологическими рамками исследований, ставивших другие научные цели и задачи. В контексте этого сложились диспропорции в изучении 1920-х и 1930-х гг., в исследовании промышленной, аграрной, финансовой и торговой политики.

Целью настоящей работы является выявление основных сторон процесса выработки, формирования, осуществления политики большевиков в области промышленности, ее взаимообусловленности и взаимосвязи с аграрной, финансовой и торговой отраслями хозяйства; системное и комплексное исследование истории строительства фундамента социалистического хозяйства в 1920-е начале 1930-х гг. в ее основных аспектах (примат идеологии над экономикой, одновременное решение противоположных задач, стремление к экономической эффективности и полное огосударствление народного хозяйства).

Целевая установка определяет и конкретные задачи исследования: раскрыть и углубить понимание основной стратегической линии большевиков в разработке и осуществлении ускоренного преодоления индустриальной отсталости страны; показать и уточнить место и роль товарно-денежных отношений и государственного регулирования в политике коммунистической партии; выявить границы и реальные возможности государства, планирова-

М., 1996; Ибрагимова Д.Х. НЭП и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997; Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999; Яров С.В. Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999 и др.

¹ Симонов Н.С. Указ. соч.; Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-середина 1930-х годов). СПб., 2002.

² Северьянов М.Д. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Сибири 1921-1929 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1994; Он же. Капитализм в Советской России 1917-1937. Красноярск, 2001.

³ Чешков М.А. Исторические аналогии в контекстах сознания и познания // Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране. Сборник статей. М., 1992. С. 120, 123.

⁴ Северьянов М.Д. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Сибири 1921-1929 гг. С. 17, 37.

ния в условиях нарушения хозяйственного равновесия и острейших народнохозяйственных диспропорций; проанализировать взаимоотношения сельского хозяйства с промышленностью в контексте ускоренного развития народного хозяйства; выяснить особенности оформления финансовой политики и ее деформации в условиях форсированной индустриализации; определить место и роль торговой политики большевиков, ее возможности в распределении и обмене в условиях постоянного ограничения рыночных отношений; уточнить природу и последствия примата политико-идеологического интереса над экономическим для народного хозяйства страны; реконструировать двойственную природу хозяйственной политики, ее социально-психологическую основу.

Таким образом, на защиту выносятся следующие положения.

- Теория и практика большевиков абсолютизировали позитивные возможности государственного управления экономикой, подменили естественные экономические и социальные отношения идеологическими.

- Сталинское руководство эксплуатировало объективный процесс социального творчества народа (желавшего освободиться от нищеты и голода) для реализации амбициозных индустриальных планов.

- Советской экономической политике органически присуще склонность к контрпроизводительной концентрации власти. Экономического обоснования под социалистическую теорию создано не было.

- Эксперимент 1920-х-начала 1930-х гг. над российской экономикой явился составной частью грандиозного по масштабам, двуликого и фарисейского по своей сущности, процесса.

- Идеология и волевая интенция партии, направленные на изощренную разработку прагматики, имели один и тот же алгоритм: страх перед ферментом свободы, что позволяло большевикам манипулировать обществом.

- В советской эпохе была не одна лишь политическая демагогия и фальшь, но и тот «сухой остаток» хозяйственного наследия, который и в XXI в. пригодится российскому рынку.

Такая постановка задач определила и *методологию исследования*. Автор исходил из гуманистической парадигмы, то есть из признания того, что главной ценностью общества является человек, а цель общества – создание условий для самореализации личности. В основе исследования лежат принципы историзма и научной объективности. Поставленные задачи решались на основе комплексного использования общенаучных методов – логического, исторического, структурно-системного, сравнительно-исторического.

При этом автор исходил из того очевидного факта, что в современном историческом знании все настойчивее проявляется тенденция к синтезу различных социологических и философско-исторических теорий в качестве их органического соединения на концептуальной основе¹. Особенно это актуально для исследования истории России в XX столетии, поскольку количество источников нарастает лавинообразно. Совершенно прав был В.О. Ключевский, подметивший: «В истории мы узнаем больше фактов и меньше понимаем смысл явлений»¹.

Для углубления понимания природы политики большевиков мы обращались к трудам о коллективном бессознательном и архетипах швейцарского психоаналитика, философа и одного из выдающихся ученых XX в. К.Г. Юнга. Его выводы помогают по иному рассматривать стереотип поведения (комплекс поведенческих черт). В этом же ряду стоит отметить редкое по оригинальности исследование К. Касьяновой, посвященное характеристике психологических и культурных особенностей русского этноса, базирующееся на теоре-

¹ Могильницкий Б.Г. Историко-методологические исследования в Томском университете (1950-е - начало 1990-х гг.) // История, истоки и перспективы: Материалы международной науковедческой конф. 22-23 сент. 1992 г., г. Новосибирск. Вып.1. Новосибирск, 1992. С. 120; Актуальные проблемы теории истории: Материалы «круглого стола» // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 45-103; Ковальченко И. Историческое познание: индивидуальное, социальное и общечеловеческое // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 112 и др.

¹ Ключевский В. О. Соч. IX. М., 1990. С. 372.

тических и эмпирических данных, полученных путем сравнения усредненных характеристик русских и американцев по шкалам миннесотского теста². Мы опирались на конкретные результаты ее работы при анализе влияния различных черт национального характера на советскую хозяйственную политику и практику.

Решение исследовательских задач осуществлялось на основе междисциплинарного синтеза, путем органического соединения подходов и выводов философии, аналитической психологии, литературоведения, лингвистики и других гуманитарных наук. Авторское конструирование целостного облика советской экономической политики 1920-х - начала 1930-х гг. ориентировано на общеакадемические установки и научную объективность, внутреннюю непротиворечивость. Подобная методологическая позиция исходит из представления о сложности исторического явления и помогает избежать упрощения в освещении истории становления экономической политики. Поиск исторической истины зависит не только от методологических подходов и субъективного восприятия историка, но и от состояния источниковой базы исследования.

Источники. Новизна работы обусловлена широким кругом ранее не изученных или слабо используемых источников, вводимых в научный оборот. Источниковая база для рассмотрения обозначенной проблемы довольно широка и разнообразна. Документы по истории разработки и осуществления экономической политики в 1920-е начале 1930-х гг. - сложный комплекс как опубликованных, так и не опубликованных материалов.

Источниковую базу работы составляют архивные документы, извлеченные из 47 фондов трех центральных и одного местного архивов. Основная часть архивных документов, использованных в данном исследовании, шла под этим грифом. Правда, сей гриф не является панацеей от фальсификаций, однако общее содержание информации, предназначенной для высшего руководства партии и государства, выдерживает серьезную проверку на достоверность.

Типологически используемые источники можно классифицировать следующим образом: 1) опубликованные документы и материалы РКП(б)-ВКП(б), советских и хозяйственных органов, доклады, речи, выступления и статьи руководителей партии и государства, архивные документы центральных партийных и правительственных органов; 2) научные и научно-публицистические труды экономистов; 3) письма, дневники, воспоминания, художественная литература; 4) периодические издания. Источники первых трех групп послужили основой реконструкции экономической политики. Официальные опубликованные документы партии, хозяйственных высших органов остаются важнейшим источником в изучении проблем экономики, хозяйства.

Это же относится и к опубликованным речам, докладам, выступлениям, статьям руководителей советского государства. Привлечение к изучению работ широкого круга лиц партийно-хозяйственного руководства требует новых подходов. Мы разделяем позицию, очерченную Х.-Г. Гадамером: «Историк стремится заглянуть за тексты, чтобы добиться от них сведений, которых они не хотят и сами по себе дать не могут»¹.

Сегодня невозможно представить изучение многих проблем 1920-1930-х гг. без документов ОГПУ, правда, в основном это опубликованные документы, поскольку архивы ФСБ для большинства исследователей остаются недоступными. Информационные сводки, доклады ОГПУ 1921-1927 гг. фиксировали действительные, объективные причины недовольства в стране. С началом сталинской «революции сверху» резко возросло число сводок и объем содержащейся в них информации при одновременной переориентации на сугубо политические вопросы. Важное значение приобретают сводки, обзоры органов ОГПУ о положении в деревни в годы коллективизации².

² Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философии герменевтики. М., 1988. С. 400.

² См.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т./ Т.1. 1918-1922. М., 1998; Т. 2. 1923-1929. М., 2000; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт./ Т. 2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000; Т. 3. Конец 1930-1933. М., 2001 и др.

Основной массив материалов, на которых основывается работа, отложился в фондах центральных государственных и партийных органов, занимавшихся вопросами экономики. Высшей экономической инстанцией в стране являлось, безусловно, Политбюро ЦК партии. Оно определяло не только стратегию и тактику экономической политики, но рассматривало и утверждало колоссальное количество мелких, сугубо оперативных, хозяйственных вопросов. При этом значительная часть принимавшихся решений, формально исходящих от государственных и хозяйственных органов, на самом деле была результатом деятельности Политбюро. Протоколы заседаний Политбюро, в том числе и решения с грифом высшей формы секретности, так называемая Особая папка, стенограммы съездов, конференций, пленумов ЦК партии, фонды Оргбюро и Секретариата ЦК, личные фонды членов и кандидатов в члены Политбюро, явились главным источником для анализа советской экономической политики. Протоколы Политбюро, стенограммы пленумов ЦК позволяют глубже понять механизм выработки, корректировки экономической политики.

Особое место в источниковой базе исследования занимают материалы СНК, СТО, Госплана, ВСНХ, Наркомфина и Наркомторга СССР. Они представляют главный источник для анализа механизма и принципов планово-государственной экономической политики. В процессе написания диссертации использован большой комплекс документов Совета народных комиссаров СССР, прежде всего опись 55 - секретариат А.И. Рыкова, который с 1924 по 1930 гг. возглавлял советское правительство. Нас интересовали стенограммы его выступлений, переписка с ЦК, справки, отчеты, обзоры хозяйственных ведомств, журналы заседаний председателя СНК со своими замами, обзоры неопубликованных писем, любопытен дневник иностранного инженера Келлена о постановке строительного дела в СССР и др. Не менее тщательно были изучены дела Секретного отдела СНК. Здесь в основном отложилась переписка правительства со СТО, Госпланом, НКФ, материалы проверки ЦСУ, стенограмма совещания ЦК с СНК.

Значительное внимание было уделено изучению материалов Народного комиссариата финансов СССР, поскольку большую часть 1920-х гг. именно этот орган во многом был знаковым в экономической политике. И даже после финансово-кредитной реформы 1930 г. его материалы во многом весьма показательны для оценки процессов, происходивших в недрах экономической политики. Изучались протоколы, стенограммы заседаний коллегии наркомата, различные отзывы наркомата по планам ВСНХ, Госплана, Наркомторга, доклады заседаний различных секции института экономических исследований при НКФ СССР. В 1920-е гг. большинство участников обсуждений мыслили более независимо, чем в последующие годы, и проявляли готовность к достаточно откровенному изложению своих взглядов.

Изучены фонды Секретариата ЦК, содержащие сводки информотдела о настроениях крестьян, рабочих по материалам парткомов, писем, докладных записок, которые в дополнении с уже опубликованными подобными же документами, позволяют более точно и основательнее представить не только психологические последствия экономической политики большевиков, но и условия ее проведения. В свою очередь это заставляет несколько иначе, чем раньше, подойти к принципиальным решениям партийного руководства в области промышленности, финансов, торговли. Повторяющиеся в них сведения служат известным подтверждением достоверности, распространенности и серьезности информации об укорененности отрицательных тенденций в экономике.

Уникальным источником для исследования проблем выработки и осуществления советской экономической политики остаются работы экономистов в 1920-е гг. Мы достаточно подробно их анализировали в качестве историографического материала, что освобождает нас от необходимости повторного анализа. Подчеркнем только, что 1920-е гг. не случайно именуют «золотым веком» экономической мысли в СССР. Ведущие отечественные экономисты (Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова, Л.Н. Юровского, Л.Н. Литошенко и др.) до-

бились выдающихся результатов в развитии экономической теории и новой хозяйственной практики. Большинство ученых немарксистов работали в центральных хозяйственных органах. В первой половине 1920-х гг. к их голосу прислушивались А.И. Рыков, А.М. Лежава, Ф.Э. Дзержинский и др. большевики. Этим определяется их источниковедческая ценность. Большая часть работ экономистов публиковалась в специальных периодических изданиях 1920-х гг. и в советское время не переиздавалась. Они интересны как с точки зрения теоретических разработок, так и с точки зрения практического воплощения их в жизнь.

В качестве источника использовались периодические издания («Правда», «Известия», «Торогово-промышленная газета»). Основной материал в газетах на экономические темы мы использовали для изучения методов и приемов воздействия партийного руководства на сознание советских людей.

Вместе с документами официального происхождения представляют интерес письма, дневники руководителей и рядовых советских людей, в частности подборки неопубликованных писем, направлявшихся редакциями «Правды», «Крестьянской газеты» высшему советскому руководству, а также опубликованные в ряде сборников¹. Этот источник можно считать своеобразным зеркалом менталитета общества. Конечно, это не означает, что речь идет о совершенно адекватном и полном отражении в письмах, мемуарах и дневниках состояния общественного сознания. Однако они помогают выявить не выраженные четко эмоциональные и иррациональные психические феномены, проблемы восприятия экономической политики, психологическую мотивацию хозяйственного поведения управляющих и управляемых с учетом культуры и ментальностей того времени. Это позволяет по-новому посмотреть на экономический курс большевиков, который с точки зрения исторического опыта не выдержал испытания временем, но и сегодня имеет в России достаточно многочисленных приверженцев.

В целом, учет результатов научных работ предшественников и привлечение обозначенного круга источников стали основой для решения поставленных научных задач в избранном историко-теоретическом ключе.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что механизм политики в хозяйственной сфере в современной историографии не являлся объектом системного научного анализа. В работе впервые осуществлен целостный анализ вызревания и становления принципиально новых подходов к хозяйствованию как основе построения «социалистического общества»; выделены и охарактеризованы факторы, влиявшие на разработку индустриальной стратегии и ее воздействие на аграрную, финансовую и торговую политику большевиков; показано взаимодействие форсированной индустриализации с директивным планированием и усилением субъективного произвола со стороны партийно-государственных структур; дана характеристика природы упрощения выработки и принятия решений в хозяйственной политике на протяжении рассматриваемого периода. Ориентация на методологический синтез и использование методов исследования смежных гуманитарных наук послужила основой для изучения ряда принципиально новых сюжетов и аспектов темы (социокультурные и психологические основания складывания советской экономической политики). В научный оборот впервые введен обширный корпус разнообразных по характеру и содержанию источников (протоколы Политбюро, стенограммы пленумов ЦК партии, личные фонды большевистских лидеров).

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в 36 научных публикациях, в том числе монографии объемом 21 п. л. и реферируемых изданиях, докладывались на региональных, республиканских, международных научных конференциях. Материалы исследования включены в лекционные курсы и спецкурсы по отечественной истории, читаемые в Томском государственном университете.

¹ Письма И.В. Сталина - В.М. Молотову. 1925-1936 гг. (Сборник документов). М., 1995; Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. Сборник документов. М., 1996; Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1997; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998; Маньков А.Г. Из дневника рядового человека (1933-1934 гг.) // Звезда. 1994. № 5. Копелев Лев. И сотворил себе кумира. Ардис (Анн Арбор), 1978 и др.

Практическая значимость исследования определяется возможностями использования его результатов при подготовке обобщающих трудов по истории российской экономической политики, народному хозяйству, а также в историко-образовательной деятельности.

Структура диссертации обусловлена спецификой объекта исследования и содержанием поставленных в работе научных задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснованы актуальность, научная и практическая значимость, новизна исследования, определены его объект, цель и задачи, территориальные и хронологические рамки, даны историографический анализ и характеристика источниковой базы, раскрыты теоретико-методологические принципы исследования.

Первая глава - «Советская промышленная политика: попытки рационального хозяйствования» - состоит из четырех разделов.

В первом разделе рассматриваются проблемы восстановления государственной промышленности, становление и реорганизация управления, особенности укрепления плановых начал в условиях нэпа.

В целом становление рынка не было результатом сознательного воздействия на экономику. Большевики, похоже, не ожидали, что даже частичное ослабление давления со стороны государства даст столь заметный толчок процессу развития товарно-денежных отношений. Не случайно В.И. Ленина на XI съезде партии признал, что государство в новой экономической политике действовало «не по-нашему», а через год это же повторил И.В. Сталин.

Реорганизация государственной промышленности в 1922-1923 гг. проходила крайне болезненно. Даже внедрение хозрасчета, прибыли связывалось с революционными силовыми методами. Хозяйственный и особенно коммерческий расчет рассматривались как временные инструменты воздействия на промышленность. Так, председатель Госплана Г.М. Кржижановский, далеко не самый ортодоксальный из большевиков, полагал, что: «...начало хозяйственного расчета, выявление его «коммерческой выгоды» имеет лишь подсобное, временное значение»¹.

Противоречия перестройки управления промышленностью, как в фокусе отразились в декрете ВЦИК и СНК РСФСР «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)» от 10 апреля 1923 г. В нем с получением юридического статуса участника гражданского оборота ответственность треста распространялась только на оборотный капитал, всю прибыль он должен был отдавать в пользу государства. Правилom оставалось вмешательство ВСНХ в текущую хозяйственную деятельность предприятий. Политбюро не поддержало предложение специалистов о возможности наложения взыскания на основной капитал трестов. Между тем ограничение ответственности трестов не только резко сужало границы их самостоятельности, но и закладывало неразрешимую проблему советской экономики - как избежать бесхозяйственности, которая постоянно вырастала на почве уверенности в государственной поддержке.

Нерешенным остался вопрос о привлечении к управлению промышленностью компетентных хозяйственников. Предложение Л.Б. Красина, прозвучавшее на XII съезде РКП (б), чтобы «производственникам и хозяйственникам, - конечно, партийным, была отведена, по меньшей мере, такая же доля влияния, как газетчикам, литераторам и чистым политикам» было отвергнуто. Между тем центральные органы, управлявшие промышленностью (Президиумы ВСНХ СССР и РСФСР), в которой трудилось 5/6 всех рабочих, на 90% состояли из коммунистов, причем около 40% из них имели низшее образование. Кроме того,

¹ Кржижановский Г.М. Избранное. М., 1957. С. 170.

на протяжении всего восстановительного периода продолжался процесс вытеснения беспартийных специалистов рабочими-партийцами из административно-хозяйственных органов.

К апрелю 1924 г. произошло укрепление планового начала в народнохозяйственной деятельности и значительное усиление регламентации и контроля центрального государственного аппарата. Если до осени 1923 г. управление промышленностью развивалось по пути децентрализации и расширения самостоятельности отдельных хозяйственных объединений, то с осени под влиянием «ножниц», кризиса сбыта и опасений «червонной инфляции» начался заметный сдвиг в сторону борьбы с экономической стихией и в сторону заключения промышленного процесса в плановое русло. Результатом этого явилось усиливающееся подчинение государственной промышленности регулирующим органам государственной власти.

В механизме развития госпромышленности по мере развития нэпа наблюдались антинэповские явления - денежный оборот переставал соответствовать хозяйственному обороту, который в свою очередь отрывался от стоимостной основы. В этот плановый круг воспроизводства направлялись мощные потоки бюджетных средств, преобладающая их часть шла на финансирование средств производства. Так, в 1923/24 г. 90% всего промышленного фонда, отпущенного государством промышленности в порядке дотаций, было передано бездоходным или убыточным предприятиям союзного значения. Темпы нового строительства в промышленности уже в период восстановления превышали в 1,5-2 раза темпы роста нового строительства во всем народном хозяйстве. Кроме того, на протяжении всего восстановительного процесса за счет «ножниц цен» между промышленностью и сельским хозяйством шла перекачка средств в пользу индустрии. В самой промышленности также существовал искусственный перекокс. Доля легкой промышленности в отчислениях от прибыли в бюджет составила в 1924/25г. 97% к общей их сумме, и в этом же году тяжелая промышленность за счет государственного бюджета получила свыше 97% всех капитальных вложений.

В диссертации подчеркивается, что для промышленности 1924/25 г. стал переломным. За год ее задолженность возросла до 370 млн. руб., что составляло к предшествующему году 218,1%. Н.Д. Кондратьев обоснованно считал, что наиболее значительная часть кредита была брошена в промышленность необдуманно и предупреждал об опасности искусственно форсировать рост индустрии, который неизбежно приведет к острому потрясению всего народного хозяйства.

Кредитная экспансия в промышленность во многом способствовала росту товарного дефицита. Экономисты в отличие от распространенной партийной точки зрения связывали этот дефицит не с отсталостью промышленности, а с ценами, переставшими выполнять функцию уравнителя спроса и предложения. Недостаток товаров на рынке приводил к беспорядку в их распределении, требовал введения централизованного распределения. Итогом стало расширение плановых начал в промышленности, что нашло отражение в Положении о трестах от 29 июня 1927 г., содержащем указание на плановые задания, в соответствии, с которыми должен действовать трест.

Исследование процесса восстановления промышленности позволило определить его особенности: быстрое достижение довоенного уровня объемов производства привело к победе максимальной рационализации управления; использование рационально-технических указаний в качестве основного метода регулирования хозяйства вместо юридических сделок, договоров, судебных споров и т.п.

Во втором разделе исследуются капиталовложения и их освоение в условиях индустриализации. На конкретном материале раскрывается влияние игнорирования объективных хозяйственных процессов, роль не подкрепленного реальными ресурсами капитального строительства в вызревании экономического кризиса начала 1930-х гг.

Специфика начала социалистической реконструкции заключалась в том, что она совпала с еще сохранявшейся частичной легализацией рыночных отношений. Поэтому Совнарком в 1926 г. несколько сократил капиталовложения в промышленность. Однако они были недостаточны для нормализации народного хозяйства. На это указывали многие экономисты весной 1926 г. (Л.Н. Юровский, Ал.Л. Вайнштейн, Л.Б. Кафенгауз и др.). В партии обосновывал недостаточность произведенных сокращений капиталовложений Г.Я. Сокольников. Он, в частности, указал на то, что государство не могло авансировать промышленность за счет эмиссии, поскольку оно подошло к пределу денежного обращения. Однако апрельский (1926 г.) пленум ЦК ВКП (б) проигнорировал мнение опального наркома финансов.

В это же время в Политбюро складывалась не нормальная обстановка. Его члены совершенно перестали стесняться невежества, стала процветать грубость, а аргумент потерял свою силу, что подтверждается многими известными фактами внутрипартийной борьбы. Это демонстрировало торжество упрощенчества. Весомые аргументы против необоснованно быстрого роста нового строительства, изложенные многими специалистами, были проигнорированы партийным руководством. Так, в октябре 1926 г. Президиум Госплана СССР выступил против предложенных ВСНХ объемов капиталовложений в промышленность. Отмечались полная неподготовленность к крупному строительству (проектов нет, материалы закупаются раньше; здание закладывается, а проект не закончен, не проработан, не утвержден), неоправданная спешка со стороны ВСНХ. В.В. Куйбышев не смог опровергнуть ни одного аргумента госплановцев, но продолжал стоять на своем.

На протяжении второй половины 1920-х гг. ВСНХ продолжал успешно «выбивать» новые ресурсы на развертывание еще более широкого фронта капитальных работ, прежде всего на новое строительство. Удивительно, но факт: плановые начала стали со второй половины 1920-х гг. едва ли не единственным аргументом сил, выступавших за сверхбыстрое создание мощных средств производства. В то же время, начиная с 1924/25 г. ни один из разработанных планов не смог выдержать испытания практикой хозяйствования. Несмотря на это февральский (1927 г.) пленум ЦК ВКП (б) потребовал от Госплана ускорить разработку пятилетнего плана. Большевики, не добившись рентабельности капвложений в 1920-е гг., закладывали нерентабельность новых вложений в годы первой пятилетки.

Партийное руководство пыталось решить указанную проблему путем развертывания в стране массового социалистического соревнования, сделав ставку на комсомол и молодежь. Часть молодежи действительно выступила носителем комплекса чувства обновления и изменения. Однако энтузиазм не мог разрешить проблем народнохозяйственных диспропорций, дефицита профессионализма, компетентности. «Драться», «бороться», «биться» - эти методы сталинского руководства в экономической политике не могли помочь выправить ситуацию в капитальном строительстве. В итоге, например, незавершенное строительство, которое в начале пятилетки составляло 31% к объему капиталовложений, в 1932 г. подскочило до 76%.

Третий раздел посвящен характеристике качественных параметров промышленного производства: производительности труда, себестоимости, качества продукции. Партийно-государственное руководство страны со времен В.И. Ленина полагало, что новый общественный строй должен был доказать свое превосходство именно в этом направлении.

В начале нэпа, в условиях восстановления рыночных отношений коммерческого расчета наблюдалось заметное снижение себестоимости промышленной продукции. Так, в 1924/25 г. по сравнению с 1923/24 г. она была снижена в среднем на 13,3%. Существенно повысилась средняя выработка на одного рабочего. Например, в 1925/26 г. против 1924/25 г. она выросла на 11,8%. Сдвиг во многом объяснялся началом восстановления промышленности, расконсервацией закрытых предприятий, введением сдельной оплаты труда, значительным повышением зарплаты рабочим. Нэп ослабил внешнее давление на человека. Смешанная

экономика означала возможность выбора сферы занятости, что в определенной мере ослабляло актуальность вопроса об отношении к труду.

Однако по мере восстановления хозяйства и усиления планового начала качественные показатели потеряли положительную динамику. Несмотря на постоянное внимание к ним Политбюро, Совнаркома, ВСНХ во второй половине 1920-х гг. себестоимость нередко вместо запланированного снижения, наоборот, росла. Так было в 1925/26 и 1926/27 гг. Росли нарушения трудовой дисциплины. Власти с одной стороны уповали на сугубо технологические рычаги и энтузиазм (рационализация производства, технический прогресс, повышение трудовой активности трудящихся масс), а с другой - на административный нажим. Незначительное внимание отводилось экономическим методам, трудовой мотивации. Не удивительно утверждение В.В. Куйбышева в узком кругу единомышленников в январе 1928 г.: «Мы знаем, что воля партии творит чудеса, мы знаем, что и на этом хозяйственном участке воля партии уже начинает творить чудеса, и сотворит чудеса, несмотря на все конъюнктурные явления»¹. Вот так и не иначе - «чудо». В итоге накануне первой пятилетки за исключением немногих отраслей (нефтяной, общего и сельскохозяйственного машиностроения, электропромышленности), проблема удешевления издержек не была разрешена.

В первой пятилетки рассматриваемые проблемы обострились, что отрицательно сказывалось не только на самой промышленности, но и на всем народном хозяйстве. Уже весной 1929 г. нарком финансов Н. Брюханов подчеркивал опасность серьезных экономических потрясений из-за хронического срыва плановых показателей по производительности труда и себестоимости.

На протяжении всей пятилетки качественные показатели промышленности не претерпели существенного изменения в лучшую сторону. Стремительное увеличение рабочего класса за счет крестьянства, резкое падение его жизненного уровня только усугубляли ситуацию с качеством продукции. Сталинскому руководству приходилось выискивать дополнительные ресурсы за счет инфляции, увеличения продажи водки, использования труда заключенных и спецпереселенцев, выкачивания средств из сельского хозяйства. Не случайно современник, известный ученый П.Л. Капица в середине 1930-х гг. писал: «Развитие нашей промышленности поражает отсутствием творчества...»¹.

В четвертом разделе исследуется взаимоотношение промышленности и сельского хозяйства, влияние политики и идеологии на производительные силы аграрного сектора.

После введения продналога разоренная и голодающая деревня с головой ушла в решение проблем хозяйственного восстановления. Сводки ОГПУ второй половины 1923 г. сообщали, что крестьяне в целом положительно отнеслись к новой форме налогообложения и, главное, к его облегчению². Но из-за колоссального разорения деревни, налоговое бремя оставалось для большинства крестьянства чрезвычайно обременительным. Кроме того, натуральный налог 1921 г. требовал сложных учетных работ, поэтому имели место большие погрешности в расчетах. В течение 1922-1925 гг. шел поиск оптимальных форм обложения. Так, в 1923 г. по сельхозналогу освобождались от обложения мелкий скот и молодняк крупного скота. Деревня ответила увеличением численности скота и более точными показателями о его количестве.

Однако к середине 1920-х гг. в налогообложении сохранились «узкие места»: позднее объявление ставок налога и резкое ежегодное их колебание; сложность расчетов, которая порождала сложность установления льгот. Наиболее серьезная попытка качественного улучшения налогового обложения деревни была предпринята на XIV партконференции в конце апреля 1925 г. А.Д. Цюрупа предлагал перейти к подходящей налоговой форме, что и было записано в резолюции, однако XIV съезд ВКП (б) «забыл» эти предложения. Многие

¹ Куйбышев В.В. Избранные произведения. В 2 тт. Т. 1. М., 1988. С. 400.

² Капица П.Л. Письма о науке. М., 1989. С. 121.

³ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 2. С. 121, 141, 142, 145.

в партии считали, что решения XIV партконференции, расширявшие право аренды и найма рабочих, ведут к образованию значительного слоя деревенской буржуазии. Поэтому отмеченные болевые точки сопутствовали сельскохозяйственному налогообложению в течении всех 1920-х годов.

Другой постоянной проблемой сельхозналога оставалась его прогрессивность. Экономисты из Наркомзема уже в 1923 г. подчеркивали, что прогрессия ставок сельхозналога в 1923/24 г. была чрезвычайно велика. Высшая ставка превышала низшую в 10 раз. Это в корне противоречило развитию экономики крестьянского хозяйства. И все же советское государство в 1926 г. заметно усилило прогрессию. Подобная стратегия уже к середине 1920-х гг. создала серьезный дисбаланс между сельским хозяйством и промышленностью, между городом и деревней. Вместе с тем в официальных партийных документах и в высказываниях большевистского руководства в 1921-1927 гг. взаимовыгодные отношения двух основных отраслей народного хозяйства по-прежнему считались необходимыми и важными. Слова расходились с делом.

Ученые-аграрники, трудившиеся в 1920-х гг. в центральных хозяйственных органах, были тревогу за судьбу развития сельского хозяйства, поскольку за общими показателями завершения восстановления скрывались серьезные проблемы. Труды Н.Д. Кондратьева, П.П. Маслова и многих других свидетельствуют о серьезном недовосстановлении сельского хозяйства в 1926/27 г. Неэквивалентность обмена выступала дестабилизирующим фактором хозяйственно-политической системы нэпа. Логику этого трудно понять, не учитывая доминирующий фактор партийного руководства экономикой. В политике большевиков и в условиях нэпа просматривалось лишь ограничение, но не упразднение внеэкономических рычагов воздействия на народное хозяйство. Уже в 1925 г. деревня, обладая значительным избытком своих продуктов, тем не менее не выбрасывала их на рынок столько, сколько спрашивал город. Это означало, что нормальная экономическая связь между городом и деревней была не в состоянии дать деревне того количества товаров, в котором она нуждалась.

Промышленность по темпам развития все стремительнее отдалялась от сельского хозяйства. За годы нэпа промышленная продукция возросла на 188%, сельское хозяйство - всего на 41%, т.е. разрыв в темпах составлял 4,4 раза. К этому стоит добавить проблему «ножниц цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары, которая обнаружила себя в 1923/24 г. В первой половине 1920-х гг. руководство страны еще пыталось разрешить эту проблему, но по мере расширения капитального строительства раствор «ножниц цен» не сокращался, а наоборот увеличивался. Нередко борьба с ценами по-большевистски приносила ощутимые убытки промышленности, торговле, деревне. Государство постоянно стремилось установить директивный уровень цен. Так, на хлебном рынке окончательная замена рыночного механизма ценообразования на директивный произошла в кампанию 1926/27 г. и была закреплена в 1927/28 г.¹

Город и государство постепенно лишали крестьянство стимулов к труду, забирая из деревни не только избыточный, но и необходимый продукт. В налоговой и ценовой политике большевиков в отношении сельского хозяйства наиболее рельефно обнаружился явный приоритет идеологических и радикальных политических решений над естественными потребностями экономики. Чрезвычайная политика 1928-1929 гг. подготовила массовую насильственную коллективизацию в деревне в 1930-1932 гг. В это время взаимоотношения промышленности и сельского хозяйства приобрели характер откровенного произвола и геноцида крестьянства. Применительно к указанному времени категория «экономическая политика» не соответствовала своему содержанию. Более подходили категории из уголовного мира «бандитская, грабительская политика».

¹ Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921-1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 201.

В 1928-1933 гг. во взаимоотношениях индустрии и аграрного сектора преобладали волюнтаристски-командные методы, попиравшие элементарные требования экономических законов. За первую пятилетку промышленность, транспорт, строительство поглотили средств значительно больше, чем планировалось: 41,6 млрд. руб. вместо 22 млрд. руб. по плану. За пятилетку промышленность должна была дать 12 млрд. руб. чистой прибыли, а дала лишь 6,9 млрд. руб. Вот и приходилось усиливать пресс на деревню. Даже по официальным данным доля перераспределения из сельского хозяйства прибавочного продукта составляла в 1928 г. - 18%, 1930 г. - 27,5%, 1931 г. - 31,%, 1932 г. - 21,7%. Анализ конкретного состояния колхозно-совхозного производства свидетельствует о хаосе, колоссальной бесхозяйственности. Но Политбюро наращивало выкачивание средств из деревни.

В главе делается вывод, что в советской экономической политике имело место отторжение сложного. Упростительские тенденции существенно влияли на выработку политики индустриализации в 1920-е и начале 1930-х гг., они исключали всякое оппонирующее начало. Форсированная индустриализация разрушила до основания аграрный сектор, хозяйственные механизмы, которые едва сложились до революции, воспроизводила чрезвычайную бедность в стране.

Вторая глава - «Финансовая политика большевиков: переход к планированию и регулированию» - включает два раздела.

Первый раздел посвящен характеристике процесса формирования денежно-кредитной системы в условиях нэпа. В диссертации подчеркивается особая роль В.И. Ленина, XI съезда РКП (б) в восстановлении финансовой системы. Денежная реформа оказалась во многом возможной благодаря жесткой и глубоко компетентной политике Г.Я. Сокольникова, его опоры на поддержку В.И. Ленина и привлечение в Наркомфин профессуры, работавшей до революции в Ученом комитете министерства финансов. Основой денежной реформы было действительное, а не мнимо-пропагандистское (как это было с конца 1920-х годов) сокращение административного и хозяйственного аппарата; реальный перевод части промышленных предприятий на хозрасчет, где прибыль являлась одним из главных экономических показателей предприятий, связанных с рынком. В итоге к началу 1923 г. на государственном продовольственном снабжении осталось 2,8 млн. человек против 35 млн. при переходе к нэпу. Были проведены сокращения государственных расходов, введена платность услуг. Проведение денежной реформы было болезненно для хозяйства, наибольшая тяжесть осуществления реформы легла на крестьянство.

С началом нэпа Госплан стал разрабатывать кредитные, эмиссионные планы. Однако специалисты критически оценивали практическую ценность таких планов, указывали на слабое знание законов текущей хозяйственной жизни, чтобы предвидеть стихию и управлять ею по плану. Ученые предупреждали о необходимости осторожного внедрения плановых начал в финансы, настаивали на сохранении эмиссионным банком свободы в деле маневрирования денежной массой. Однако подобные идеи не были восприняты большевиками. Поэтому на протяжении 1920-х гг. наблюдался более быстрый рост денежно-кредитной массы, чем товарной; нарастала диспропорция между накоплением и потреблением.

Член коллегии Наркомфина СССР Л.Н. Юровский 27 октября 1928 г. отправил А.И. Рыкову записку «О нашем финансовом положении», обрисовав картину глубокого финансового кризиса в стране. Но его голос не был услышан. В условиях торжества упрощения значение профессионализма, компетентности стремительно падали. Политбюро не думало вдаваться в тонкости финансовой теории и предпочитало делать ставку на административное вмешательство.

В кредитной системе за годы нэпа так и не удалось решить вопрос о дисконтной политике и государственном кредите. Советские банки не имели дисконтной политики, а всего лишь нормы. В то же время приближение учетного процента к требованию спроса и пред-

ложения на денежные средства могло бы уберечь советское хозяйство от многих бед бесхозяйственности и разбазаривания.

В феврале 1925 г. был отменен принудительный порядок реализации госзаймов, но уже осенью 1927 г. при реализации «Займа индустриализации» имела место агитация, которая переходила местами в принуждение. В момент становления кредитной системы обнаружились характерные для всей советской экономической истории проблемы, когда банковским кредитом поддерживали даже неплатежеспособные учреждения, если руководство страны признавало их развитие необходимым с государственной точки зрения. Вопросы кредитования решались не только и не столько самими кредитными учреждениями, сколько Политбюро. О принципе коммерческой рентабельности вспоминали все реже.

В начале нэпа основу советской налоговой системы составляли прямые налоги. Советское государство из года в год усиливало дифференциацию налоговых платежей, повышало прогрессию ставок налога и расширяло льготы бедноте и колхозам. Кроме того, необходимо отметить непропорциональный доходам рост податного бремени всего населения страны в 1920-е гг.

Налоговая политика теснейшим образом связана с бюджетом. Уже в середине 1920-х гг. основное увеличение доходов госбюджета обеспечивали налоги и сборы, удельный вес которых составлял в 1925/26 г. 51,6%. Вообще за 1923 - 1926 гг. бюджетные ресурсы государства увеличились почти в 4,6 раза. Между тем у партийного руководства не было продуманной бюджетной политики. Политбюро продолжало «раздувать» бюджет, хотя конъюнктура народного хозяйства требовала совершенно противоположных решений.

В 1928 г. советская финансовая политика, как особая система общеэкономического регулирования, прекращает свое существование, ограничиваясь преимущественно фискальными функциями и поддержкой хозяйственных ведомств. Происходит падение авторитета заработанного рубля и стимулирующей роли финансов и кредита.

Второй раздел посвящен выявлению особенностей финансов и финансовой политики в годы первой пятилетки. Советское государство перешло к централизованному планированию ценообразования, эмиссии и в целом всего денежного обращения, рассчитывая этим нормализовать народнохозяйственную ситуацию. Однако такая политика потерпела полное фиаско. С конца 1928 г. по июль 1930 г. в обращение было выпущено 1 556 млн. руб., в то время как пятилетний план предусматривал общую эмиссию на всю пятилетку в сумме 1 250 млн. руб. И в последующие годы пятилетки Политбюро вынуждено было латать бреши финансового плана дополнительной эмиссией. Вожди основную причину недостатка денежных знаков видели в том, что партийные, советские, хозяйственные органы вместо «большевистской борьбы» всю работу в поступлении денежных средств пустили «на самотек». С точки зрения восстановления нормального денежного обращения подобные методы были проявлением примитивизма.

В конце 1930 г. новый нарком финансов Г.Ф. Гринько признавал, что в широких партийных рядах плохо понимают зависимость финансового плана от безусловного выполнения количественных и качественных показателей во всех отраслях народного хозяйства, что, начиная с наркоматов, вплоть до хозяйственных низовых органов, лимитом считали все, что угодно, только не финансы. В середине 1931 г. Г.К. Орджоникидзе откровенно признавался: «В прошлом году никто из нас денег не считал, все решили, что деньги отныне аннулированы...». Аналогичное отношение к финансам было характерно только для 1920 г., когда в целях «рационализации» ликвидировали Госбанк. За подобную политику расплачивалось население страны. Составители интересного сборника документов «Голос народа» отмечают, что большая часть ранее засекреченных писем, относящихся к 1930-1931 гг., - это сплошной вопль о лишениях.

В конце пятилетки Политбюро пыталось укрепить бюджет и денежное обращение, сократив в августе 1932 г. на 700 млн. руб. объем вложений в капитальное строительство, по-

требовав от наркоматов укладываться в запланированные на 1933 г. капитальные вложения. Замораживался фонд заработной платы на уровне 1932 г., повышались розничные цены в городах на мясо, масло, рыбу, хлеб, спички и др., предусматривалось изъятие в 1933 г. из обращения 1-1,5 млрд. руб. Эти шаги упорядочили бюджет, денежное обращение, но принципиально ситуацию не изменили.

Была создана своеобразная гибридная система советских финансов, одной из основных особенностей которой стала утрата способности к регулированию народного хозяйства. Советская финансово-кредитная система утратила внутреннее саморазвитие и по-своему способствовала формированию неэффективной, не гибкой и органически затратной советской экономической модели.

Третья глава – «Советская торговая политика» - состоит из двух разделов.

Первый раздел посвящен характеристике становления большевистской торговой политики в условиях нэпа. Восстановление и развитие торговли в 1920-е гг. проходило в условиях борьбы непримиримых противоречий в поведении вождей, которые, продолжая постоянно ограничивать свободу оборота, в то же время сохраняли частный капитал. Стенограммы партийных съездов, конференций, пленумов ЦК, протоколы Политбюро вплоть до конца 1927 г. полностью подтверждают эту тенденцию. С 1928 г. Сталин и его окружение уже без колебаний в течение двух лет уничтожали частную торговлю.

Государство, допустив биржи, сразу же стало бороться со спекуляцией, которая является, как известно, одной из важнейших составляющих нормальной биржи. В итоге советский опыт показал, что без спекуляции биржа не может выполнить своего экономического предназначения. В то же время в начале нэпа биржи наглядно продемонстрировали ведущую роль в восстановлении разрушенного хозяйства и торговли. Определяющую роль в становлении и деятельности бирж сыграли люди, имевшие дореволюционный опыт биржевиков.

Советское государство поспешно пыталось укрепить государственную торговлю и кооперацию, хотя ни средств, ни знаний и опыта не было. Ведущую роль в осуществлении этой линии сыграл Наркомат внутренней торговли, созданный по инициативе Политбюро весной 1924 г. Подобное поведение характерно для людей, охваченных беспокойством и неуверенностью. Именно такие люди в партии и явились инициаторами поспешной организации решительного наступления на частника. Так, руководитель Центросоюза Л.М. Хинчук весной 1924 г. поведал на пленуме ЦК РКП(б) о том, как Центросоюз, приняв решение снизить цены на 25-30%, нанес чрезвычайно большой материальный ущерб всей кооперации. Но он несколько не был озабочен таким просчетом, скорее наоборот: «На чем оборвется частный капитал, так это именно на этих низких ценах, которые будут стоять у кооперативных и государственных органов». Подобная линия поведения была характерна для большинства вождей на протяжении всех 1920-х гг. Только умеренные в партии (Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, А.М. Лежава, А.И. Рыков) считали глупостью прибегать к искусственным мерам ликвидации частной торговли, но они были в меньшинстве.

Перед нами весьма странное представление о торговле. Поразительно антихозяйственный строй мыслей - снижаем цены, получаем колоссальные убытки, разоряем частника, а государство должно поддерживать подобный процесс, это и есть одна из разновидностей люмпенской идеологии - государство не обеднеет. Неудивительно, что с 1926 и до 1931 г. шел непрерывный процесс сокращения розничной торговой сети, возникали, особенно в сельской местности, настоящие «торговые пустыни», т.е. отсутствовали какие-либо торговые заведения. Несмотря на обстоятельные и аргументированные рекомендации ученых сохранить частную торговлю, упорядочить ее правовое положение, советское государство с помощью налогового прессы, административного произвола уничтожило частника. В товарообороте утверждались плановые начала в виде плана завоза и генеральных договоров госпромышленности и кооперации. Это разрушало рынок, усугубляло неразбериху и безхозяйственность в сфере обмена и распределения.

Во втором разделе главы исследуются проблемы складывавшейся в первой пятилетке советской торговли. К ее особенностям можно отнести резкое ускорение товарооборота, крайнюю незначительность товарных запасов в государственной торговой системе Наркомснаба СССР, чрезвычайную дороговизну торгового аппарата, бюрократизацию. Задача, поставленная первым пятилетним планом, требовавшая неуклонного снижения торговых расходов, оказалась не выполненной, наоборот, уровень издержек в 1931-1933 гг. повысился.

Не помогал и план. Многоступенчатое и детальное планирование на деле являлось тормозом снабжения. Планы шли сложно и долго. В начале ноября 1930 г. И.В. Сталин предложил образовать специальную комиссию для разработки вопросов торговли на новой базе. Но торговля на «новой базе» не заработала. На декабрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1930 г. А.И. Микоян увидел причину этого в том, что партийцы в советском аппарате, будучи технически малограмотными, а зачастую и вовсе неграмотными, преклоняются перед всякой «ученостью», а это приводило к некритическому принятию того, что предлагали специалисты. Представитель РКИ Г.Н. Аронштам считал главной причиной слепоту и доверчивость коммунистов, а Р.С. Землячка ссылаясь на засоренность аппарата чуждыми и вредительскими элементами. На октябрьском (1931 г.) пленуме ЦК ВКП(б) вновь рассматривались вопросы торговли. И все буквально было повторено. Правда появилась еще одна причина. А.И. Микоян и Р.С. Землячка обнаружили оживление нэпмановского духа, который был противопоказан советской торговле. Выступавшие на пленуме приводили массу вопиющих случаев. М. Хатаевич поведал о том, что «в Мелекесском отделении «Союзмолоко» молоко выливалось тысячами пудов в овраг», поскольку у «Союзмолока» не было сепараторов для переработки, транспорта для вывозки, но сдавать молоко необходимо только в «Союзмолоко». Характерна фраза руководителя Западно-Сибирской партийной организации Р. Эйхе о том, что каждый может умножить материал о подобных «безобразных извращениях в значительно большем объеме».

С «безобразиями» боролись с помощью террора и создания разного рода комиссий. Так, в марте 1932 г. была создана комиссия Политбюро во главе со Сталиным для разработки мероприятий по увеличению товаров для рынка. Комиссия обратила главное внимание на «освобождение» товаров, которые застревают в ведомственных каналах, на сокращение так называемого внерыночного потребления. Но поскольку «не все решения у нас выполняются, а многие выполняются плохо» (А.И. Микоян), ЦК создал специальную комиссию для наблюдения и проверки на каждом шагу. Однако в 1932 г. управленческие расходы в госторговле возросли на 40-50% против 1931 г., в торговом аппарате росли хищения. Отмеченные черты станут во многом знаковыми для советской торговли. Она так и не смогла обеспечить органическую связь производства с потреблением на протяжении всей своей истории. Неслучайно, что даже в благополучные периоды советской истории в торговле периодически возникали перебои и срывы.

На основе обобщения опыта деятельности большевистского руководства в экономике делается вывод о неэффективности советской хозяйственной системы. Созданная тяжелая промышленность отличалась низкими качественными параметрами, а сложившиеся советские финансы, торговля и колхозный строй усиливали диспропорции в народном хозяйстве, способствовали сохранению и воспроизводству бесхозяйственности. Все это тяжелым бременем легло на плечи рядовых советских людей.

В заключении подведены итоги исследования. Наше исследование позволило определить этапы и тенденции становления экономической политики. Первый этап, 1921-1925 гг., начальный и самый продуктивный период нэпа. Его особенностью являлась во многом стихийная легализация товарно-денежных отношений, воспроизводивших дореволюционные тенденции, а также приспособление к ней новых советских реалий (почти полная национализация народного хозяйства).

Второй этап, 1926-1927 гг., стал переходным в условиях позднего нэпа. Партийно-государственное руководство еще демонстрировало на словах (во внутривнутрипартийной дискуссии) понимание необходимости учета наличных ресурсов народного хозяйства в деле подъема промышленности, но на деле стремительно наращивало объемы капитального строительства в области крупной промышленности. Заканчивается по существу монополизация государством хлебного рынка. Как следствие столь противоречивой политики в 1927 г. усилилось нарастание кризисных явлений в экономике страны (обострение народнохозяйственных диспропорций). Лидеры умеренных большевиков, являвшиеся идеологами нэпа в партии, были застигнуты врасплох.

Третий этап, 1928-1929 гг., время подготовки сталинской «революции сверху». В недрах чрезвычайной политики хлебозаготовок оттачивалась антикулацкая кампания, важнейший и неотъемлемый элемент будущей коллективизации. Был ускоренно разработан и принят директивный пятилетний план со сверхоптимистическими темпами развития всего народного хозяйства. Умеренное крыло ВКП (б), отстаивая нэп, но не предлагая никаких существенных новаций, потерпело сокрушительное поражение. Победивший Сталин приступил к ускорению и без того форсированного развертывания индустриализации. В мирных условиях население крупных городов было переведено на карточную систему снабжения.

Четвертый этап, 1930-1933 гг., острый экономический кризис. Все силы и средства страны брошены на быстрое создание тяжелой промышленности. Насильственная коллективизация разрушила производительные силы аграрного сектора. Централизованная система распределения в городе не справлялась с возложенными на нее задачами. Деревню потрясал голод. Основным методом хозяйствования стал террор, а одним из важнейших участников осуществления экономического курса – ОГПУ. Происходил срыв основных запланированных показателей промышленного производства (производительность труда, себестоимость), катастрофически падало качество продукции. В этих условиях сталинское руководство в 1932-1933 гг., не отступая от прежнего «генерального курса», предприняло попытки с помощью административных рычагов навести порядок в бюджетной и финансовой сферах, восстановить хозрасчет. Однако эти шаги существенно ситуацию в экономике не изменили.

Выделенные этапы экономического курса свидетельствуют о том, что отказ от политики нэпа в конце 1920-х гг. не был случайностью, скорее наоборот, сохранение на какое-то время нэпа явилось бы нарушением закономерностей, заложенных октябрьской революцией 1917 г.

Существенной чертой складывающейся экономической политики стало то, что система управления хозяйством базировалась во многом на подчинении силе, следовании приказам. Она, с одной стороны, помогала руководству проводить различные «ударные кампании», но с другой, ослабляла в людях честное отношение к труду, трудовую мораль.

Неумелое вмешательство вождей в народное хозяйство, их доктринальные установки способствовали созданию директивной плановой системы, под которую пытались подогнать реальные хозяйственные процессы. В советском государстве сложился своеобразный плановый фетишизм. Людей приучали бороться с «врагами», бороться за темпы, качество, хлеб, молоко, чугун, сталь и проч. Борьба за план укрепляла привычку людей к руководящим указаниям, к экономической пассивности.

В ходе форсированной индустриализации были созданы военная промышленность и сопряженные с ней отрасли. Но и за этими достижениями стояла будущая неэффективность советской экономики, поскольку сталинская модернизация была поверхностной. Форсированное насаждение огосударствленной кооперации и государственной торговли взамен частной ожидаемого эффекта также не дало. Монопольное положение госторговли, система централизованного планового распределения стали обнаруживать сильнейшую тенденцию к бюрократизации, к росту хищений, спекуляции.

Монополия компартии освобождала вождей от критики и оценок со стороны естественных оппонентов. Характерной чертой политической линии было частое и сознательное противоречие между делами и речами. Это способствовало превращению цинизма, лжи и обмана в своеобразные принципы политики, облегчавшие манипулирование десятками миллионов человеческих судеб. Особенно это сказалось на молодежи, которую сталинский режим превратил в ударную силу своей экономической политики.

Практическая значимость диссертации определяется с рационализацией исторического знания, когда прошлое не просто описывается, а предлагается объяснение смысла событий и процессов. Исследование истории формирования и осуществления экономической политики в 1921-1933 гг. подводит к осознанию невозможности полноценного и объективного представления о закономерностях и особенностях современного социально-экономического развития России без учета советского опыта форсированного преодоления экономической отсталости страны.

Основное содержание диссертации изложено в следующих работах:

1. Советская экономическая политика в 1921-1933 гг.: (Критический анализ). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 21 п.л. (Монография).

2. Диалектика субъективного и объективного в экономической политике партии в 20-е годы // Руководство партии социалистическим строительством в Сибири, на Дальнем Востоке и революционная перестройка (Тезисы докладов и сообщений). Якутск, 1989. 0,2 п.л.

3. К вопросу о роли революционного права и насилия в экономической политике советского государства в 1921-1933 гг. // Творчество и право. Тезисы докладов научно-практической конференции (ноябрь 1990 г.). Тюмень, 1990. 0,2 п.л.

4. К вопросу о роли «политизации» аграрной политики партии в середине 20-х годов // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения В.И. Ленина. (17 апреля 1990 г., г. Омск). Омск, 1990. 0,3 п.л.

5. Экономическое строительство основ социализма и партия: выбор путей развития (1921-1925 гг.) // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: История и современность Сборник статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 0,5 п.л.

6. К вопросу о роли равновесия в советской хозяйственной системе в 1921-1933 гг. // История Советской России: новые идеи, суждения: тезисы докладов республиканской научной конференции. Ч. 1. Тюмень, 1991. 0,2 п.л.

7. Регуляторы в советской хозяйственной системе в 1921-1933 гг. // Россия нэповская: политика, экономика, культура. Тезисы Всесоюзной научной конференции (25-27 июня 1991 г.). Новосибирск, 1991. 0,2 п.л.

8. Экономическая политика партии и монополизм в советской хозяйственной системе (1921-1929 гг.) // Социально-политическое развитие Сибири (XIX-XX вв.): Сб. статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 0,5 п.л.

9. Становление советской экономической системы и циклы русской истории // История Советской России: новые идеи, суждения. Тезисы второй республиканской научной конференции. Ч. 3. Тюмень, 1993. 0,2 п.л.

10. Экономическая политика в 1921-1933 гг. и большевистский субъективизм // Научная сессия Томского университета (апрель 1992 года). Социально-экономические и гуманитарные науки. Ч. 1. Томск, 1993. 0,3 п.л.

10. К истокам большевистского радикализма в экономике (20-30-е гг.) // История общественных движений и политических партий России. Материалы республиканской научной конференции в г. Томске 20-21 ноября 1992 г. Томск, 1993. 0,3 п.л.

11. Сибирское крестьянство и советское регулирование экономики в 20-е годы // XX век. Исторический опыт аграрного освоения Сибири: Материалы республиканской научной конференции. Красноярск, 1993. 0,2 п.л.

12. К вопросу о роли насилия в становлении советской торговой политики (1921-1933 гг.) // Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX – первой трети XIX – первой трети XX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 0,5 п.л.

13. Экономическая модернизация России в XX веке: универсальность и специфичность // Новое в изучении и преподавании истории в вузах. Материалы научно-методической конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 0,2 п.л.

14. Соотношение политики и экономики: из истории решения экономических проблем // Субъекты Российской Федерации в условиях реформ. Материалы российской науч. конф., посвященной 50-летию Томской области и 90-летию экономического образования в Томском политехническом университете. Томск, 1995. 0,2 п.л.

15. НЭП : критика исторического опыта в поисках новой парадигмы // Из истории общественно-политической жизни Сибири. Томск, 1994. Деп. В ИНИОН РАН № 50166 от 14.03.95 г. 0,5 п.л.

16. К роли В.В. Куйбышева в становлении советской хозяйственной системы в 20-е - 30-е годы // Из истории общественно-политической жизни Сибири. Томск, 1994. Деп. в ИНИОН РАН № 50272 от 11.04.95 г. 0,6 п.л.

17. Экономические реформы XX века в России в категории времени // Народы содружества независимых государств накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. Тез. международного науч. конгресса. Т. II. СПб.: Петрополис, 1996. 0,2 п.л.

18. Антиномии в экономической политике большевиков в 20-30-е годы: к вопросу о природе советской власти // Перестройки в Российской истории: исторический опыт и уроки XX века. Сб. тез. науч. конф. Красноярск, 1996. 0,2 п.л.

19. Г.К. Орджоникидзе - хозяйственник: адепт победившей антисистемы // Персоналии российской истории (история и современность). Тез. третьей Всерос. заоч. науч. конф. Санкт-Петербург: Нестор, 1996. 0,2 п.л.

20. Экономическая политика большевиков в 20-е - начале 30-х годов: составная часть победившей антисистемы // Из истории общественно-политической жизни Сибири. Томск, 1996. Деп. В ИНИОН РАН № 52265 от 21.01.97 г. 0,5 п.л.

21. Российская власть и бюрократия в 1920-е и 1990-е годы: единство менталитета // Реформы: власть и общество. Сб. статей. Заседание дискуссионного клуба “История и современность” 23 декабря 1997 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 0,2 п.л.

22. Механизм становления советского народного хозяйства в 20-30-е годы в отечественной историографии // Актуальные вопросы отечественной историографии: Материалы Седьмой Всерос. заоч. науч. конф. - СПб.: Нестор: ТОО “Афина”, 1997. 0,2 п.л.

23. Строительство социализма в 1920-е - начале 1930-х годов (комментарий творчества А. Платонова, или опыт психоаналитической интерпретации) // Октябрь 1917 года: Уроки истории и современность. Материалы науч. конф. 30 окт. 1997 г. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 0,2 п.л.

24. Становление советского народного хозяйства в контексте “Философии хозяйства” С.Н. Булгакова // Экономические чтения: Материалы конференции. Вып. 3. Томск: Изд-во НТЛ, 1997. 0,2 п.л.

25. Нэп и натурализация советского хозяйства: парадоксы становления социалистической экономики // Развитие экономической науки и образования в Сибири. Материалы международной науч. конф., посвященной 100-летию экономического образования и науки в Сибири. Томск: Изд-во «Водолей», 1998. 0,2 п.л.

26. Ученые экономисты и большевистская политика в 20-е годы: незаконченная дискуссия // Интеллигенция России в истории XX века: К 90-летию сборника «Вехи». Тез. докладов и сообщений Всероссийской науч. конф.. Екатеринбург, 1998. 0,2 п.л.

27. Ф. Дзержинский: у истоков становления советской хозяйственной системы // Исторические личности России. Материалы одиннадцатой Всероссийской заочной науч. конф. СПб.: Нестор, 1998. 0,2 п.л.

28. Большевики и финансы в 20-е годы: в поисках идеала // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской конф., посвященной 120-летию Томского государственного университета. Т.3. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 0,5 п.л.
29. «Верхи» и «низы» в формировании экономической ментальности в 1920-е – начале 1930-х годов // Менталитет россиянина: история проблемы: Материалы Семнадцатой Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 2000. 0,2 п.л.
30. Психологическая интерпретация произведений А. Платонова и возможности постижения ментальности советского общества 20-х – начала 30-х годов // Культура как способ бытия человека в мире: Материалы II Всероссийской конференции, Томск, 12-14 октября 1998 г. Томск: Изд-во НТЛ, 2000. 0,2 п.л.
31. Догматизм в промышленной политике большевиков (1921-1933 гг.) // Проблемы истории (общественно-политическая жизнь, образование, наука). ТГУ. Томск, 2000. Деп. в ИНИОН РАН 11.04. 2001. № 56385. 1,4 п.л.
32. Советская индустриализация: символ плана и воли // По страницам истории и судьбы: К 70-летию профессора Ю.В. Куперта: Сборник научных статей и материалов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 0,5 п.л.
33. Нэп и налоговая политика большевиков в сельском хозяйстве (1921-1927 гг.) // Личность. Общество. История. К 80-летию профессора М.С. Кузнецова: Сборник научных статей и материалов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 0,7 п.л.
34. Советское регулирование экономики и Сибирь в 1920-е - начале 1930-х годов // Известия Томского политехнического университета. Т. 305. Вып. 7. Томск, 2002. 0,7 п.л.
35. Взаимопроникновение: становление социалистического хозяйства в 1920-1930-е гг. и формирование советского человека (быт, нравы, поведение) // История российской повседневности. Материалы Двадцать шестой Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 2002. 0,5 п.л.
36. Советская политика цен и деревня в условиях нэпа (1921-1927 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276. 0,7 п.л.